

Пётр Евграфович
Ковалевский

Зарубежная

Россия

1920-1970

П. Е. Ковалевский

Перед вами фрагмент книги Петра Ковалевского «Зарубежная Россия». В него вошла первая часть оригинального издания 1971 года и статья о русском зарубежном кинематографе.

В полной весии книги более 600 страниц и 350 фотографий, изображений, рисунков и портретов. Под одной обложкой собраны оригинальное издание 1971 года, дополнительный выпуск 1973 года, серия статей написанных специально для этого издания об известных фамилиях, русском вкладе в мировое искусство, культуру и кинематограф. Также книга снабжена указателем имён.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

www.chernaya100.com

Зарубежная Россия

1920–1970

Чёрная Сотня
Нижний Новгород
2019

УДК 325.25 (=161.1)
ББК 63.3(2)6
К-561

Первое в России издание первой монографической работы по истории русской эмиграции 1920–1970-х годов, написанной учёным и общественным деятелем русского зарубежья — Петром Евграфовичем Ковалевским (1901–1978).

Книга состоит из сжатых очерков о судьбе русской эмиграции в различных уголках планеты и её достижениях в таких сферах, как: культура, политика, история, философия, теология, физика, химия, астрономия, архитектура, урбанистика, живопись, музыка, литература, театр, балет, кинематограф, мультипликация и многих других.

Основой для подготовки текста послужили одноимённые издания Librairie des cinq (Париж) 1971 и 1973 года (дополнительный выпуск). Настоящий текст подвергся корректуре и редактуре с исправлениями ошибок в датах, именах и фамилиях.

Ковалевский, П. Е.

К-561 Зарубежная Россия 1920–1970. — 1-е изд. — Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2019. — 624 с.

ISBN 978-5-6042018-9-3

УДК 325.25 (=161.1)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6042018-9-3

© Издательство «Чёрная Сотня», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Не «русское зарубежье»,
но «Зарубежная Россия»*

В России нет особой привычки следить за восточноевропейскими политическими новостями, но когда в 2001 году премьер-министром Болгарии стал Симеон Саксен-Кобург-Готский, ещё в детстве вошедший в национальную историю как Симеон II (будучи ребёнком, он оказался последним болгарским царём), эта новость на многих произвела впечатление. Куда уж нагляднее — вот они, критические 25 лет, из-за которых Россия оказалась единственным из государств, переживших коммунистическую диктатуру, где после падения власти коммунистов не случилось большого возвращения прежней, эмигрировавшей национальной элиты. Вернувшемуся Симеону, когда он стал премьером, было всего 65 лет, у нас же возвращаться было некому: поколение цесаревича Алексея вымерло в начале 80-х. О, если бы и у нас, как у болгар и других восточных европейцев, советская власть продержалась не 70, а всего 45 лет — они бы вернулись, они бы успели, и Россия была бы совсем другой. Даже судьба этой книги укладывается в ту же календарную схему — книга вышла в 1971 году, автор умер в 1978-м, не пережив даже Брежнева, которого, в общем, вообще никто не пережил. Главные долгожители эмиграции остались в 70-х — Керенский, Борис Зайцев, — и чуть ли не единственным состоявшимся до революционным человеком, успевшим вернуться (в ленинградскую, впрочем, коммуналку), оказалась Ирина Одоевцева.

Но дело не только во времени. Понятно, что возвращаться можно и посмертно. Этот процесс начался ещё в доперестроечном СССР — Бунина стали издавать ещё при Хрущёве, Шмелёва — в конце 60-х. Незадолго до перестройки в Москве перезахоронили прах Шаляпина. Даже Зворыкин американским туристом и делегатом не раз приезжал в Советский Союз. Но у слова «эмиграция» к тому времени было уже совсем другое значение и совсем другие ассоциации, в том числе географические — не врангелевский Крым и Галлиполи, не Белград, Константинополь и Париж, а Вена, Тель-Авив и Нью-Йорк. «Хоть тушкой, хоть чучелком», «жена не роскошь, а средство передвижения» — через первые дыры в железном занавесе не русская

культура прежде всего хлынула в Россию, а советская — на Запад.

Мемуары Одоевцевой опубликуют ещё в СССР, но нельзя сказать, что они или ещё какие-то книги того же рода — Роман Гуль, Георгий Адамович, даже Нина Берберова, — как-то сотрясли устои или впечатлили поколение. Нет, гораздо популярнее у современников был Довлатов, в «Ремесле» уморительно описывавший своё противостояние с недотёпистым самодуром Боголюбовым (все понимали, что речь об Андрее Седых, тогдашнем редакторе «Нового русского слова», в прошлом — литературном секретаре Бунина), и понятно, на чьей стороне были симпатии позднесоветских и постсоветских читателей: «До семидесятого года в эмиграции царил относительный порядок. Отшумели прения и споры. Распределились должности и звания. Лавровые венки повисли на заслуженных шеях. Затем накатила третья волна эмиграции». Это гораздо более злая ирония судьбы, чем советско-восточноевропейский 25-летний лаг — крушение старой, первой эмиграции случилось на её территории и стало результатом противостояния с уехавшими советскими, для которых сбережённая за границей Россия была так же неважна, как и для тех, кто их выгонял.

И «русское зарубежье» (постсоветский уже термин) — это было что-то заведомо музейное, мумифицированное, неживое. Что-то, о чём на телеканале «Культура» Никита Михалков разговаривает с какой-нибудь по-французски грассирующей бабушкой, или что проходит по категории «забытые имена» в литературных толстых журналах. Вместо русских Симеонов или хотя бы их потомков в постсоветскую Россию возвращались Василий Аксёнов, Юрий Любимов, Андрей Кончаловский — советское зарубежье, вытоптавшее русское ещё лет за десять до крушения советской власти. Три главных литературных имени для постсоветской образованщины — Набоков, Бродский и тот же Довлатов, — самая точная социологическая характеристика: постсоветским людям хотелось любить тех, кто интегрировался в Запад, а не тех, кто хранил никому не нужное прошлое.

Но слава Богу, что у прошлого, у наследия, нет срока годности — оно будет лежать, пока в нём не возникнет потребность, и потребность возникает сейчас, на наших глазах. Может быть, оформилась уже очередная волна (нумерации уже нет — пятая, шестая, неважно) эмиграции, чувствующая необходимость в наследовании и в Отечестве; такие вещи обостряются в ин-

тернациональной среде, в интернациональных коллективах. Когда рядом с тобой француз, никогда не забывающий, что он француз, и англичанин, для которого крайне важно быть англичанином — ты, даже если в России тебе на это было плевать, почувствуешь себя русским и вспомнишь тех русских, которые были до тебя. Даже если ты программист в Долине или преподаватель в Оксфорде, родство с предшественниками даст о себе знать, и открытием для тебя станет, что русский в Европе сто лет назад — это совсем не только парижский таксист, но и профессор, и архитектор, и инженер, и художник (писатели — вообще само собой), и ты сегодня — прямой их наследник. Живя на Западе, я стал чаще видеть таких людей, и их типичность стала для меня открытием — раньше я думал, что любой уехавший мечтает раствориться и забыть о своей русскости. Впрочем, может так и было когда-то, но сейчас — точно нет. Сейчас современной эмиграции оказывается нужным то, что было когда-то сбережено теми, кто, по Гулю, «унёс Россию», но и не только эмиграции — сама Россия сегодня часть мира, и интеллектуальные моды распределяются примерно одинаково. Люди, которые ищут альтернативу нынешним порядкам и нравам, неизбежно обнаруживают целый русский мир, который, как видим, был когда-то заботливо описан и систематизирован Петром Евграфовичем Ковалевским.

Едва ли он отдавал себе в этом отчёт, но какая пронизательность — не «русское зарубежье», но «Зарубежная Россия»; стилистическая тонкость того же рода, что и в парах «Прибалтика/Балтия» или «Средняя Азия/Центральная Азия» — для постсоветских государств объяснимо важен был отказ от прежних обозначений, имевших точкой отсчёта имперские столицы. Теперь и мы на чуть более сложном, даже экзистенциальном уровне приходим к той же игре слов — не зарубежье, то есть не необязательный придаток, но сама Россия, пусть и стоящая от российских границ на тысячи километров. Слишком долго у нас говорили об эмиграции в третьем лице. Зарубежная Россия заслуживает слова «мы» вне зависимости от того, где оно произносится — в нынешней России или за её пределами.

*Лондон, июнь 2019 года
Олег Владимирович Кашин*

ОТ РЕДАКЦИИ

*Feci quod potui, faciant meliora potentes.
Сделал что мог, да сделает лучше, кто может.*

Пусть эта книга начинается тем же эпитафием, что и закончилась. Пётр Евграфович проделал огромный труд, собрав и систематизировав в 1970-е все эти данные. Помню, когда я помогал Александру Жучковскому в работе над хронологией и деталями событий для книги «85 дней Славянска», мы столкнулись со страшной проблемой: свидетели и участники обороны не могли в нужной мере вспомнить события 4-летней давности. Все рассказывали разное, путались в датах, позывных, количестве оружия. Данные, близкие к истине, добывались несколькими мучительными итерациями, и это в эпоху «перманентного свидетеля» — интернета. У Ковалевского его не было. Сложно представить, какой титанический труд был проделан: по «горячим следам» собирать историю миллионов людей за полвека. Осознавая, что эта работа не может быть совершенной (о чём писал и сам автор, выразив чаяния о том, что его труд будет продолжен), мы перепроверили даты, фамилии, отчества, некоторые детали. В результате нами было найдено много десятков ошибок и неточностей, которые мы исправили. Мы также дополнили книгу не одной дюжиной дат смертей тех, кто был жив на момент написания труда, добавили более трёх сотен портретов и фотографий (о необходимости которых тоже писал Ковалевский), дополнили указатель имён (оригинальный не охватывал дополнительный выпуск) и обогатили книгу несколькими очерками на темы, которые были недостаточно освещены.

Стремясь восстанавливать дореволюционную русскую культуру книгопечатания, мы использовали в книге обозначения, которые могут быть неизвестны некоторым читателям:

- [] — редакторские вставки;
- * — даты рождения;
- † — даты смерти.

*Дмитрий Бастраков,
главный редактор*

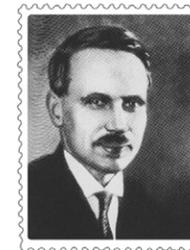
ОБ АВТОРЕ

Пётр Евграфович Ковалевский — первый историограф русского зарубежья, преподаватель, церковный и общественный деятель.

Родился в Санкт-Петербурге в семье политика Евграфа Петровича Ковалевского и педагога Нины Владимировны Ковалевской. В 1919 году в возрасте 18 лет вместе с родителями эмигрировал в Константинополь, где прислуживал на Андреевском подворье, а в феврале 1920 года переселился во Францию, где поступил на историко-филологический факультет Сорбонны и стал старшим иподьяконом митрополита Евлогия (Георгиевского).

В Париже Пётр Евграфович стал активнейшим участником общественной жизни русской эмиграции: выступил одним из инициаторов создания Русского студенческого христианского движения (РСХД), был избран генеральным секретарём Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, соосновал газету «Русская мысль», а также возглавил русскую академическую группу в Париже. На протяжении всей жизни Пётр Евграфович преподавал: историю, географию, литературу, латынь, агрологию и русский язык. Читал лекции в самых разных учреждениях: от парижского лицея Мишле до Свято-Сергиевского православного богословского института и Сорбонны. Часто публиковался в журналах «Возрождение», «Церковный вестник», «Вестник РСХД», а также во французской периодике.

Последние 20 лет жизни центральной темой исследований Петра Евграфовича была Зарубежная Россия: в комиссии по сбору материалов для «Золотой книги русского зарубежья» он состоял генеральным секретарём. В работе комиссии принимали участие такие видные эмигранты, как Дмитрий Рябушинский, Серж Лифарь, Георгий Адамович, Юрий Анненков и другие. Проект по составлению «Золотой книги» так и не был завершён — Пётр Евграфович Ковалевский скончался в 1978 году в возрасте 77 лет и похоронен на кладбище Триво при Храме в честь Воскресения Христова в Мёдоне.

*Пётр
Евграфович
Ковалевский
(1901–1978)*

П. Е. Ковалевский

Зарубежная Россия

История и культурно-просветительная
работа русского зарубежья за полвека
(1920–1970)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые мысль о необходимости хранения материала о жизни Зарубежной России была выдвинута В. К. и Е. Л. Абданк-Коссовскими, которые собрали печатные и фотографические документы о повседневной жизни и деятельности русских за рубежом родины, составивши около трёх тысяч листов на картоне. Они же сохранили по одному номеру русские журналы и газеты, выходившие вне России, в количестве 800 различных названий.

В 1938 году О. Морозова опубликовала в Тяньцзине в Китае серию иллюстрированных статей под общим названием «Культурные силы русской эмиграции», в которых давалась общая сводка того, что создала Зарубежная Россия за двадцать лет.

Необходимо также отметить инициативы проф. В. Б. Эльяшевича, который поднял вопрос об издании труда о Русском Зарубежье и представителя по русским делам Лиги Наций во Франции — Марселя Пана, хлопотавшего о создании в Париже Музея Русского Зарубежья.

П. Е. Ковалевский, собиравший до войны материалы о культурной роли Зарубежья и по истории Зарубежной России, посвятил этим вопросам отдельные главы как в своём «Историческом пути России» (пять изданий: Париж, 1939–49), так и в «Курсе русской истории» (Париж, Пайо, 1948). В 1951 году он напечатал сводку материала, озаглавленную «Русское рассеяние по миру и его культурная роль» (Париж, по-французски), которая широко разошлась по всем странам.

Общими усилиями трёх «собирателей»: Т. И. Алексинской, которая подготовила разнообразный и систематизированный материал о жизни и деятельности Зарубежной России, В. К. Абданк-Коссовского и П. Е. Ковалевского, была напечатана серия статей-обзоров к 35-летию Зарубежной России (1920–55). Появилась она в журнале «Возрождение» за 1955/6 годы и была посвящена всем областям деятельности русских за рубежом.

Основанное Д. П. Рябушинским в 1945 году Общество охранения русских культурных ценностей задалось, со своей стороны, также задачей собирания и издания накопившихся материалов. В начале 1960 года была создана комиссия по сбору материалов для «Золотой Книги», в которую вошли, кроме председателя Д. П. Рябушинского и ген. секретаря П. Е. Ковалевского,

Е. А. Вечорин, Г. С. Давидов, М. Н. Кржижановский, А. Б. Серебряков и Г. В. Чижов.

Параллельно с Обществом охранения культурных ценностей, в Париже, по инициативе В. В. Вырубова, М. А. Джаншиева и В. В. Лыщинского, образовалась группа по изданию книги, а в 1962 году был основан для этой цели Комитет. Во главе его встал кн. Н. С. Трубецкой. К нему, ввиду кончины Д. П. Рябушинского и тяжелой болезни П. Е. Ковалевского, перешла инициатива по изданию, но отдельные члены Общества, под председательством заменившего Д. П. Рябушинского — С. М. Лифаря, продолжали собирание материалов. До своей болезни П. Е. Ковалевский успел выпустить первую часть своей работы о Русском Зарубежье, озаглавленную: «Наши достижения, роль русской эмиграции в мировой науке», вышедшую в 1960/61 годах в Мюнхене двумя изданиями.

В 1961 году Г. Адамович издал краткую брошюру-программу будущей деятельности Комитета по изданию книги под названием: «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» (Париж). В 1962 году Комитет поручил М. А. Джаншиеву вступить в сношения с представителями русско-американской общественности для образования Комитета в Америке.

После кончины кн. Н. С. Трубецкого и ряда других членов Комитета, дело собирания материалов вновь сосредоточилось в руках Общества по охране культурных ценностей, где особенно потрудились над этим Е. А. Вечорин и Л. Н. Немиров.

В 1966 году был восстановлен, по инициативе М. А. Джаншиева, под председательством гр. С. М. Толстого, Парижский комитет, который поставил себе целью сбор средств на издание книги о «Вкладе русских в мировую культуру» и осуществление этого издания.

Одновременно сбор материалов продолжался Обществом охранения, причём наибольшие труды понесли члены Общества Ю. П. Анненков, П. Н. Грабар, Г. А. Дейша, Е. М. Костюк, А. Б. Серебряков, а также член комитета А. К. Требинский. Общество работало под руководством С. М. Лифаря, а с 1968 года — П. Е. Ковалевского.

Созданный, под председательством гр. А. Л. Толстой, Комитет в Америке, передал дело собирания материалов Русской академической группе в Нью-Йорке.

Парижский комитет предполагает издать книгу по-французски, а в дальнейшем по-русски о «Вкладе русских в мировую культуру», в которой будут даны сведения о работе отдельных деятелей науки и искусств и их участии в культурной жизни других народов.

Цель настоящего труда иная. Он должен:

1) сохранить для будущих поколений «Историю Зарубежной России и её культурной и просветительной самодеятельности»;

2) отдать долг признательности тем иностранцам, которые за прошедшие полвека содействовали хранению и развитию русской культуры;

3) дать будущим историкам данные о всём, что написано и напечатано о Русском Зарубежье и о местах, где хранятся материалы о жизни и творчестве русских вне России.

Размеры книги не дают возможности предоставить читателю исчерпывающий материал, но автор надеется, что его работа вызовет желание у более молодых историков посвятить свои силы разбору и описанию деятельности Зарубежной России в отдельных областях. Он будет признателен всем, кто пришлёт ему дополнения и исправления, которые по возможности будут использованы для второго издания.

*Париж, декабрь 1970 года.
Пётр Евграфович Ковалевский*

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ ЗА ПОЛВЕКА

1. ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПРИЧИНЫ ЕЁ ОБРАЗОВАНИЯ

В мировой истории нет подобного по своему объёму, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем. Из трёх великих исходов — еврейской диаспоры, выезда протестантов из Франции и отъезда русских с их родины — последний является наиболее крупным и значительным, и с культурной точки зрения наиболее своеобразным.

Диаспора еврейского народа не была вызвана политическими или культурными причинами. Она была расселением еврейского народа по Римской империи, продолжавшимся в течение долгого периода. В начале нашей эры из общего числа шести миллионов евреев — пять жило вне Палестины. В рассеянии «Бар Кошба» жило в одном только Египте свыше миллиона евреев, а число их в Александрии превышало 200 тысяч. После отъезда в изгнание «Галата», вследствие событий 70 и 135 годов, в Палестине почти не осталось еврейского населения.

Диаспора кальвинистов, принуждённых покинуть Францию в связи с отменой Нантского Эдикта Людовиком XIV в 1685 году, была исключительно религиозной, а не национальной, как еврейская. Отъезд «гугенотов» затронул 200 тысяч человек, главным образом промышленный класс и ремесленников, и был значительной потерей для экономики страны, но он мало отразился на культурной жизни Франции. Кальвинисты переселились в Англию, Голландию, Германию, Данию и Швейцарию и вполне вошли там в местную жизнь. К ним впервые на международном юридическом языке был применён термин «рефюжиэ» то есть «ищущий убежища», который через два с половиной века будет применён к русским беженцам.

Польская эмиграция 1831 года хотя и принадлежала к элите нации, но была немногочисленной и сосредоточилась, главным образом, в Париже и его окрестностях, имея своим центром городок Монморанси. Она не распространилась широко по всему свету.

Французская эмиграция после Революции 1789 года была совсем иного характера. Она состояла почти исключительно из аристократии и духовенства и вернулась на родину после реставрации Бурбонов. Она была по своей численности небольшой и, за исключением некоторого количества эмигрантов, оставшихся в России, не играла большой культурной роли вне Франции.

Русское рассеяние превзошло все бывшие до него и по числу, и по культурному значению, так как оно оказалось центром и движущей силой того явления, которое обычно называется русским зарубежьем, но которое следовало бы называть «Зарубежной Россией».

Если, между 1920–25 годами, Россию покинуло свыше миллиона русских людей, которые представляли собой цвет русской интеллигенции, то они нашли вне новых границ страны значительные группы русского населения, оказавшиеся — в силу международных договоров и отхода от России целых областей — вне пределов родины, но говоривших по-русски, считавших себя русскими и тяготевших к тем культурным центрам, в которых сосредоточилось русское рассеяние 1920–25 годов.

Это русское зарубежье может быть исчислено между 9 и 10 миллионами человек, то есть в два раза больше населения Норвегии, страны, представитель которой был назначен Верховным Комиссаром над русскими. Оно намного превышало население Дании и равнялось населению Швеции или Австрии.

В историческом труде невозможно дать полных статических данных о русском зарубежье. Они собраны на основании официальных переписей и анкет 1920–25 годов и могут составить особый выпуск материалов, который было бы желательно издать.

Покинуло Россию после революции 1917 года около миллиона людей. К ним надо присоединить русское население Бессарабии, объявившее себя таковым при переписи 1920 года (742 тысячи на общее население области в 2.686.000), русские меньшинства в Финляндии (15 тысяч), Эстонии (91 тысяча), Латвии (231 тысяча), Литве (55 тысяч), Польше (5 миллионов 250 тысяч, согласно переписи 30 сентября 1921 года, при общем населении страны в 27 миллионов 177 тысяч), Угорской и Пряшевской Руси (550 тысяч), Китая и полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги (200 тысяч), США (500 тысяч), Канады (119 тысяч), и Западной Европы (50 тысяч, живших там до революции 1917 года), а всего 8 миллионов 853 тысячи человек.

Все эти цифры даны за исключением беженцев, которые входят в миллион покинувших пределы России после революции. По данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 года, выехало из России 1.160.000 человек.

К ним надо ещё присоединить оставшихся на Западе русских военнопленных войны 1914–18 годов и чинов экспедиционного корпуса во Франции и в Салониках в 1916–17 годах.

В этнографическом отношении миллион выходцев из России состоял из представителей всех народов, населявших русское государство, но значительное большинство принадлежало русским. Все национальности, подданные Российской Империи до 1917 года, записывались как русские; исключение составляли только армяне, которые в международных актах шли всегда по особой параллельной категории, включавшей также армян-беженцев из Турции.

В отношении образовательного ценза русское рассеяние было высококультурным. Значительный процент был с высшим образованием и почти три четверти со средним. В отношении сословном в нём были представлены все классы населения, но большинство принадлежало к среднему интеллигентному классу и к свободным профессиям, хотя было немало и торговцев, ремесленников и крестьян. Меньше всего было рабочих и духовенства. За рубеж выехало 10 процентов епископата и всего полпроцента священников.

Причины, по которым миллион русских покинул свою родину, связаны с событиями пореволюционных годов и установлением в России нового строя. После окончания Гражданской войны и прекращения военных действий на внутренних и внешних фронтах, военные кадры оказались в большом количестве за рубежом России. Около четверти покинувших страну принадлежали к армиям, сражавшимся на юге России, в Крыму, вокруг Петрограда, на севере и в Сибири. Во время Новороссийской и Крымской эвакуаций выехало также значительное количество гражданских лиц. В отношении профессий гражданской части рассеяния, которая составляла приблизительно три четверти всего его числа, необходимо отметить, что в ней были представлены все категории лиц: профессора и педагоги, политические и общественные деятели, промышленники и торговцы, журналисты и адвокаты, инженеры и доктора, писатели и поэты, артисты и художники.

В политическом отношении были представлены все партии и оттенки мнений, от крайних правых до крайних левых социалистов-революционеров и меньшевиков. Их всех объединяла русская культура, которой они служили и которая была обречена на полное разрушение и должна была быть заменена новой пролетарской культурой — «пролеткультом».

В Советской России были объявлены вне закона и лишены права на труд и на паёк, кроме военных, принимавших участие в белых армиях, все собственники, торговцы всех категорий, чиновники прежнего режима, зажиточные и полужажиточные крестьяне и вообще всё население не пролетарского происхождения. Все классы населения, кроме пролетариата, подлежали постепенному уничтожению согласно программе коммунистической партии 1918 года. Классовая борьба должна была быть беспощадной и вестись до полного уничтожения противника.

Но были причины и чисто моральные и духовные: желание мыслить и творить независимо, а не подчиняясь указаниям государственного плана, и свободно развивать свои индивидуальные способности и таланты. К ним присоединилось также желание свободно и открыто исповедовать свою веру и свои общественные и политические убеждения.

Поэтому в русском рассеянии оказалось так много представителей литературы, мысли и искусства, так много артистов и художников. Надо заметить, что в 1922 году категория русских мыслителей сильно пополнилась теми, кого советское правительство выслало за пределы родины.

Выехавшие из России сознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками. Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы. Поэтому, в течение своего полувекового бытия, русское зарубежье имело тройную задачу: охранительную, осведомительную и творческую, через участие в культурной и научной жизни других стран.

Хранение русских исторических традиций не было музейным и только бытовым, но имело глубокие моральные и духовные основы и задания.

В этой борьбе за русскую культуру, русский язык и русские традиции выявились три свойства русского человека: его талантливость и изобретательность, проявившаяся во всех областях жизни и творчества, его необыкновенная приспособляемость

к местным условиям, когда интеллигенты, никогда не занимавшиеся физическим трудом, становились к станку или делались шофёрами такси, и, наконец, глубокое пренебрежение к так называемому «комфорту» и довольствование малым.

Русское зарубежье никогда не забывало своей родины, всегда было обращено к России и работало ради неё. Не забывало оно и родного русского языка и боролось за его чистоту. Особенно велика заслуга в деле хранения русских традиций и русского языка принадлежит русским женщинам, которые, в своём огромном большинстве, были неутомимыми труженицами и много способствовали воспитанию молодых поколений.

Настоящая книга имеет целью показать грядущим поколениям, что рассеянные по всему свету русские за своё полувековое пребывание вне родины много потрудились, много испытали и многое создали.

2. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

История русского зарубежья делится на три периода, значительно отличающихся друг от друга как по численности, так и по составу.

Первый период идёт от начала образования зарубежья в 1920 году, когда в пределах России, кроме Дальнего Востока, окончилась Гражданская война и были определены границы между РСФСР и лимитрофными государствами. Он продолжался до Второй мировой войны.

Второй период охватывает военные годы, когда всякая деятельность русских организаций была или совсем прекращена, или сведена до минимума.

Третий, послевоенный период, разнится от предшествующих, так как почти всё старшее поколение, начавшее свою деятельность ещё в России, умерло, лимитрофы вошли в состав СССР, дальневосточный русский центр был целиком ликвидирован, а из Европы началась тяга за океан. Волна беженцев из СССР (ди-пи) тоже в значительной мере перебросилась в Америку и в Австралию, и в Западной Европе, прежнем несомненном центре русского зарубежья, осталось только часть среднего поколения и два молодых поколения, которые лишь частично

можно причислить к русскому зарубежью. Большинство молодых уже окончательно вошло в жизнь тех стран, в которых они родились и где часто родились даже их родители. Они несут свой культурный дар в мировую сокровищницу, но его едва ли можно причислить к «вкладу русских в мировую культуру».

Несмотря на прилив новых сил после войны, русское зарубежье сократилось численно почти в пять раз, поэтому необходимо дать сведения о том, как оно образовалось и оформилось вначале и как оно жило в период своего полного расцвета до Второй мировой войны.

Русское зарубежье оказалось с первой поры, особенно после признания советской власти великими державами в 1924 году, на совершенно особом положении, не имевшем прецедентов ни в международном праве, ни в истории. Ввиду этого надо, хотя бы кратко, определить его международное положение и параллельно дать картину его самоустройства и организации.

С другой стороны, только первый, довоенный период, подходит под наименование «Зарубежной России», так как она числила в своих рядах не только цвет русского интеллигентного общества, науки и искусства, но и русские культурные меньшинства лимитрофных государств.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Образовавшиеся после Октябрьского переворота правительства были, в отношении международного права, непризнанными. Только одно правительство генерала П. Н. Врангеля, в силу договора, подписанного от лица Франции де Мартеlem осенью 1920 года, оказалось на особом положении, и, в момент эвакуации в ноябре того же года, французское правительство, в лице его главы и одновременно министра иностранных дел Жоржа Лейга, приняло под своё покровительство всех выехавших из Крыма как военных, так и гражданских лиц. Впоследствии статут «протезэ» (покровительствуемых) не был применён к русским во Франции, но вначале как глава правительства ген. Врангеля А. В. Кривошеин, так и министр иностранных дел П. Б. Струве имели непосредственные сношения с французскими органами власти.

*Александр Кривошеин, Пётр Врангель
и Павел Шатилов, 1920 год*

Ввиду переполнения Константинополя, тогда уже был выработан план расселения русских по балканским странам, а русский флот, как военный, так и торговый, был переведён французами в Бизерту.

Если первые попытки устройства были предприняты русскими в Константинополе, то центр официального управления оказался в Женеве, где основанной в 1919 году Лигой Наций был назначен Верховным комиссаром по беженским делам

*Фритъоф
Нансен
(1861–1930)*

известный норвежский полярный путешественник Фритъоф Нансен, который приезжал в Константинополь и на месте принял ряд мер для устройства беженцев.

В 1924 году его заменил Нансеновский комитет, тоже имевший своим местопребыванием Женеву.

До признания советского правительства великими державами в 1924 году русские посольства и консульства работали как прежде и за ними признавались все юридические права.

Первая международная конвенция была подписана 12 мая 1926 года, но только 30 июня 1928 года были учреждены представительства Нансеновского комитета в центрах русского рассеяния. Соглашение это имело необязательный характер и зависело от решений местных правительств. Во Франции, которая уже тогда была центром русского зарубежья, посольство и консульства, переименованные в «Офисы», были признаны правомочными циркуляром Министерства иностранных дел от 9 мая 1925 года и подтверждены декретом 11 января 1930 года. Парижскому офису, возглавляемому В. А. Маклаковым, бывшего послом Временного правительства во Франции, было присвоено название «центрального офиса» по делам русских беженцев. При нём была учреждена должность представителя, на которую был назначен Марсель Пан, много сделавший для русского рассеяния.

28 октября 1933 года в Женеве была принята «Конвенция об юридическом статусе русских и армянских беженцев», но она должна была войти в действие только после подписания её определённым числом правительств. В каждой стране в течение нескольких лет шла «борьба за статут», так как он давал беженцам значительные права и клал конец почти безвыходному положению большинства из них.

Во Франции конвенция была введена в действие декретом президента республики только 3 декабря 1936 года. Больше всего потрудились в деле проведения её друзей русских — депутаты Мутэ (социалист) и Сулье (умеренный), а также сенатор Гютеро. В Женеве труд защиты русских интересов выпал на долю русского представителя при международных организациях

Константина Николаевича Гулькевича, бывшего российского посланника в Норвегии, которого, после его смерти, заменил Яков Львович Рубинштейн.

Женевская конвенция, в противоположность статуту 1928 года, была обязательной для всех тех стран, которые её подписали. Она приравнивала русских и армян «к местным гражданам или иностранцам, наиболее привилегированным в силу международных соглашений».

Конвенция гарантировала беспрепятственный въезд и выезд из стран, выдававших особые паспорта, причём цена на последние должна была быть минимальной. Она отменяла высылки на границу, кроме случаев преступления против национальной безопасности или нарушений общественного порядка. Она давала русским свободный доступ к судам и освобождение от судебного залога, облегчение в отношении права на труд и приравнение к местным гражданам в отношении признания и социального страхования, а также получения образования и обложения налогами. Русские смогли воспользоваться этими льготами только два с небольшим года, так как уже в мае 1939 года к иностранцам начали применять первые стеснительные меры, а с началом войны в сентябре того же года, была прекращена всякая деятельность иностранных организаций.

До середины 1924 года в русском зарубежье работали признанные дипломатические представительства, которые продолжали дело защиты прав и интересов русских, живших вне пределов России.

С начала русского рассеяния в Париже образовалось «Совещание послов» с финансовой комиссией при нём. Во главе его встал русский посол в Риме М. Н. Гирс, а тов. предс. был В. А. Маклаков, посол Временного правительства во Франции. В «Совещание» входили постоянный представитель при международных учреждениях в Женеве К. Н. Гулькевич (Норвегия), С. А. Поклевский-Козелл (Румыния), В. Н. Штрэндман (Сербия), Е. В. Саблин (Англия), П. К. Пустошкин (Голландия), бар. М. Ф. Мейендорф (Дания), бар. Буксхевден (Финляндия), С. Д. Боткин (Германия), Б. А. Бахметев (США), Б. С. Серафимов (Болгария), И. Н. Ефремов (Швейцария), А. А. Нератов (Турция) и И. А. Персиани (Италия).

Во Франции, кроме посла В. А. Маклакова, советником был Н. А. Базили, секретарями — Г. А. Колемин и Г. В. де Латур,

ген. консулом — Д. Аитов, которого потом сменил Б. А. Татищев, консулами — Л. Д. Кандауров и В. Е. Ден. В Ницце действовало ген. консульство во главе с Е. С. Протопоповым и вице-консулом А. И. Орловым; в Марселе консульство возглавлял Л. П. Гомелля. Остались на своих постах и военный агент А. А. Игнатъев, морской агент В. И. Дмитриев и его помощник В. В. Яковлев.

В Лионе образовался «Комитет эмигрантов», а в Финляндии «Особый комитет по делам беженцев», но о них будет сказано ниже.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОЗАЩИТЫ РУССКИХ

Вопрос о самозащите русских возник впервые в Турции, когда выяснилась необходимость расселения беженской массы, сосредоточившейся в Константинополе и его ближайшем районе после прибытия значительных масс беженцев Одесской, Новороссийской и Крымской эвакуаций. С одной Крымской эвакуацией прибыло в Константинополь сто пятьдесят тысяч, из которых сто тысяч состояли из воинских частей, а пятьдесят из гражданских лиц, в том числе 30 тысяч женщин и 7 тысяч детей.

Если расселение военных взял на себя генерал П. Н. Врангель, то о гражданском населении должна была позаботиться такая организация, которая представляла бы всю массу беженцев в Турции.

Ввиду того, что дальнейшее расселение русских тесно связано с теми вопросами, которые тогда были подняты, необходимо кратко указать на взаимоотношения между русскими и союзными властями, в ведении которых они оказались.

Уже в начале 1920 года, в момент передачи власти ген. Деникиным ген. Врангелю, у союзников выявились две противоположные точки зрения на русский вопрос. Тогда как Франция всячески содействовала правительству, образованному ген. Врангелем и признала его «де факто», Англия отнеслась к нему враждебно. Франция заявила о своём покровительстве русским беженцам, а Англия настаивала на их репатриации в РСФСР.

Признание правительства ген. Врангеля произошло благодаря хлопотам возглавителя его А. В. Кривошеина, лично близко знавшего тогдашнего управляющего Министерством иностранных дел Мориса Палеолога, и благодаря сочувствию председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции Александра Мильерана. Переговоры велись в Париже, кроме того, министром

*Пётр
Бернгардович
Струве
(1870–1944)*

иностраннных дел Правительства ген. Врангеля П. Б. Струве, председателем Совета послов М. Н. Гирсом и русским послом в Париже В. А. Маклаковым. Английский премьер Ллойд Джордж, наоборот, был противником поддержки ген. Врангеля.

Высоким Комиссаром Франции был назначен гр. де Мартель, который приехал в Крым в октябре 1920 года. Даже после перемены правительства во Франции, в связи с избранием А. Мильерана 23 сентября в Президенты Республики и вступления в должность главы правительства и министра иностранных дел

Жоржа Лейга, положение не изменилось.

30 октября/12 ноября гр. де Мартель и адмирал Дюмениль от лица Франции приняли под своё покровительство всех выехавших из Крыма. Официальное письмо было подтверждено решением французского правительства.

Сейчас же по прибытии 125 судов в Константинополь воинские части были распределены по лагерям в Галлиполи, Лемносе и Чаталдже, и, несмотря на очень большие трудности, ген. Врангелю удалось перевести их к 1922 году в Сербию, Болгарию, Грецию и Румынию. Наибольшее количество приняла Сербия. Оставались гражданские беженцы, которые до апреля 1922 года не были объединены в одну центральную организацию, которая могла бы говорить от лица всех проживающих в Турции русских.

24 апреля 1922 года 80 русских организаций — культурных, просветительных и профессиональных — объединились и создали «Русский комитет в Турции». Председателем его был избран единогласно архиепископ Анастасий, товарищами председателя сенатор Г. В. Глинка, профессор М. И. Догель и ген. Г. О. Раух, а в Правление председателем проф. И. П. Алексинский и 12 членов. Секретарём стал Н. А. Кизильбаш.

Для истории Зарубежной России важен третий параграф устава «Русского

*Митрополит
Анастасий
(Грибановский)
(1873–1965)*

комитета»: «В Русском комитете *не* могут принимать участия организации как преследующие непосредственно политические цели, так и учреждения для извлечения коммерческой выгоды».

С другой стороны, Комитет поставил своей конечной целью «создание Центрального русского комитета, который, являясь представительным органом всех двух миллионов русских беженцев за границей, вынужденных покинуть родину, был бы составлен из представителей русских комитетов в отдельных странах, где проживают русские беженцы».

5 октября в Константинополь прибыл Верховный Комиссар по делам беженцев Фритьоф Нансен и заявил от лица турецкого правительства о том, что все русские беженцы должны в кратчайший срок покинуть страну. Со своей стороны он посоветовал всем вернуться в РСФСР. На собрании в русском посольстве под председательством посла А. А. Нератова, представители русских организаций заявили о невозможности для них последовать его совету, и вопрос о положении русских в Турции очень заострился. Русский комитет обратился тогда к Лиге Наций и к западным правительствам с меморандумом и взял в свои руки вопрос о расселении 28 тысяч русских, которым грозила высылка в Советскую Россию.

Параграф третий имел большое значение, так как указывал правильный путь для объединений, которые должны были быть внеполитичными, а постановление о конечной цели хотя и не было вполне осуществлено, но послужило при основании Русского комитета в Париже, объединявшего, кроме организаций, имевших пребывание во Франции, все центральные русские организации, распространявшие свою деятельность на другие страны. Необходимо отметить, что в Константинополе были основаны первые русские школы и детские приюты. Очень ценной была инициатива Софии Владимировны Денисовой. Она поехала в 1921 году в Константинополь, вывезла оттуда 52 ребёнка, находившихся в очень трудном положении, и устроила для них приют с обучением ремёслам в Мэри сюр Уаз под Парижем.

До 1924 года во Франции действовали прежние посольство и консульства, но после прихода к власти кабинета Эррио юридическое положение русских сильно осложнилось и появилась необходимость создать представительные органы, которые защищали бы русские интересы и одновременно являлись бы общественной поддержкой возглавителю центрального офиса

по делам о беженцах В. А. Маклакову.

19 июля 1924 года состоялось собрание русских общественных организаций, на котором была оглашена резолюция, выработанная комиссией под председательством В. А. Маклакова, которая предусматривала избрание сорокачленного Комитета, представляющего эмиграцию, и исполнительного бюро из 10 членов, в котором председателем «экс оффицио» являлся бы В. А. Маклаков.

Собрание избрало 30 членов Комитета, оставив 10 мест левым организациям, которые не были представлены на собрании. Последние, со своей стороны, предложили делегировать в бюро, возглавляемое В. А. Маклаковым, трёх членов. Таким образом, представительство русского зарубежья выявило в следующей «Конституции». Организации, присутствовавшие на собрании 19 июля, и те, которые к ним потом присоединились, создали «Русский комитет объединённых организаций», делегировавший шесть членов в бюро, возглавляемое В. А. Маклаковым, которое приняло наименование «Эмигрантского комитета». Левые организации, со своей стороны, посылали в Эмигрантский комитет трёх делегатов, причём все дела решались в нём единогласно.

Первым, временным, председателем Русского комитета был избран Николай Хрисанфович Денисов, на квартире которого происходили все предварительные совещания и который пре-

доставил комитету помещение в своём доме на Площади Палэ Бурбон (Палаты Депутатов), где помещался Российский торгово-промышленный и финансовый союз и ряд других русских организаций. Осенью 1924 года оба комитета окончательно сформировались. «Русский комитет объединённых организаций» избрал своим председателем гр. В. Н. Коковцова, а делегатами в Эмигрантский комитет В. И. Дмитриева, В. Д. Кузьмина-Караваева, Я. И. Савича, С. Н. Третьякова, Н. Н. Шебеко и И. А. Хольмсена.

*Василий
Алексеевич
Маклаков
(1869–1957)*

*Владимир
Николаевич
Коковцов
(1853–1943)*

Левые организации, объединившиеся в «Совете общественных организаций», избрали своим председателем А. И. Коновалова, а представителями в Эмигрантском комитете К. Р. Кровопускова, П. Н. Милюкова и Я. Л. Рубинштейна.

Оба объединения продолжали свою работу до Второй мировой войны и способствовали защите интересов Зарубежья. Эмигрантский комитет, со своей стороны, работал очень дружно, и все решения принимались в нём единогласно.

Перевыборы обоих комитетов происходили каждые три года — и в последний раз в 1936 году, так как выборы 1939 года не смогли состояться из-за начала войны.

В 1924 году на собрании было представлено 67 организаций и был выбран первый состав комитета. В президиум его вошли гр. В. Н. Коковцов — председатель, М. Л. Киндяков — ген. секретарь и Вяч. Ник. Новиков — секретарь.

На втором общем собрании, состоявшемся в феврале 1926 года, участвовало уже 83 организации, которые были представлены 114 делегатами. Президиум был переизбран в том же составе.

Третье собрание состоялось 1 декабря 1929 года и на него съехались представители 175 русских организаций, представленных 120 делегатами с 250 голосами. Президиум остался прежним.

На четвёртое общее собрание 5 марта 1933 года приехали представители 275 организаций, представленных 158 делегатами, имевшими 362 голоса. Ввиду кончины ген. секретаря М. Л. Киндякова, на его место ген. секретарём был избран сен. Н. Н. Таганцев, а вместо В. Н. Новикова, ввиду его отказа, в секретари комитета — П. Е. Ковалевский.

Наконец, пятые выборы показали ещё больший интерес к делу защиты Русским комитетом прав русского рассеяния и на общее собрание 28 июня 1936 года явилось 218 представителей 325 организаций, имевших 445 голосов. Впервые в число объединяемых комитетом организаций вошли православные приходы обеих юрисдикций. В президиум были переизбраны: В. Н. Коковцов — председателем, Н. Н. Таганцев — ген. секретарём, а П. Е. Ковалевский — секретарём. Так как дело подготовки последнего собрания было сложным и касалось очень большого количества русских организаций, была избрана в феврале 1936 года особая подготовительная комиссия и в ген. секретари её был приглашён ближайший помощник В. А. Маклакова Сергей Валентинович Жуковский. Другими членами этой комиссии

были Я. И. Савич, Н. Н. Стогов, В. А. Карпов и П. Е. Ковалевский.

Собрание состоялось в большом зале Лютеция в Париже и явилось результатом делового объединения большей части русского рассеяния. Председатель Русского комитета гр. В. Н. Коковцов дал полный отчёт о работе русских представительных учреждений и их борьбе за право на жизнь и труд. Ген. секретарь подготовительной комиссии прочёл обстоятельный доклад о деле объединения зарубежья. Собрание выбрало 55-членный комитет, который в свою очередь избрал шесть делегатов в Эмигрантский комитет.

Со своей стороны, Совет общественных организаций, объединявших 33 организации, переизбрал в председатели А. И. Коновалова и избрал тов. председателя М. С. Зернова и А. А. Титова, а ген. секретарём — П. П. Юренева.

Последний состав Эмигрантского комитета был: председатель — В. А. Маклаков, представители от Русского комитета — И. А. Акулинин, П. А. Кусонский, М. А. Кедров, бар. Б. Э. Нольде, Н. В. Савич и Я. И. Савич, а от Совета организаций — В. Ф. Зеелер, К. Р. Кровопусков и Я. Л. Рубинштейн.

Так как в оба комитета, образовавшихся в Париже, входили центральные организации, имевшие свои отделения и представителей во всех странах русского рассеяния, то работа их, и в частности Эмигрантского комитета, не ограничивалась Францией, а распространялась на всё зарубежье.

ГЛАВНЕЙШИЕ ТРУДНОСТИ НА ПУТИ РУССКИХ ЗА РУБЕЖОМ

Жизнь русских, покинувших свою родину, была трудной, и им приходилось сталкиваться с многочисленными ограничениями их работы и передвижения. Главными проблемами, стоявшими на их пути, были:

- 1) подчинённая многим и часто непреодолимым формальностям трудность передвижения, когда для переезда из одной страны в другую требовались особые разрешения, выдававшиеся зачастую после хлопот, продолжавшихся по несколько месяцев;
- 2) трудности с получением документов на проживание в отдельных странах;

- 3) ограничения в отношении труда, так называемые процентные нормы, применявшиеся к иностранцам;
- 4) высылки на границу за незначительные правонарушения без возможности переехать в другую страну;
- 5) дополнительная пошлина на русских и армян в виде «Нансеновского сбора» и, наконец,
- 6) обязательная воинская повинность для русских, которые не были натурализованы.

В отношении Франции надо заметить, что принятие выехавших из Крыма русских под покровительство Франции не имело практических последствий. Уже в конце 1920 года правительство Жоржа Лейга заявило, что, ввиду окончания военных действий и ликвидации армии ген. Врангеля, оно снимает с себя обязанность поддержки выехавших военных, но и в отношении гражданских лиц не был применён режим «протекже» (покровительствуемых), который применялся, например, в отношении жителей Сирии и Ливана. Русские в 1920 году оказались во всех странах на положении иностранцев, с той разницей, что все другие категории имели свои правительства, которые могли их защищать, и они имели возможность быть высланными в свои страны, тогда как высылаемые русские не принимались ни одной страной и переходили на нелегальное положение.

В отношении передвижения различные страны ввели для русских особые свидетельства, выдаваемые местными властями, на которые ставились визы. Так как эти свидетельства состояли из простого листа бумаги, то они часто переполнялись отдельными печатями, особенно если русскому приходилось проезжать через несколько стран. Даже если он в них не останавливался, требовались проездные визы. Приходилось для этого приклеивать к свидетельству листы бумаги. Поэтому русские учреждения ходатайствовали о замене листов книжками, что было, наконец, разрешено, и почти все страны стали выдавать так называемые «Нансеновские паспорта», обладание которыми, однако, насколько не облегчило дела передвижения.

Если передвижение русских из страны в страну было до чрезвычайности затруднено, то и пребывание «на месте» было связано с многочисленными формальностями. Сперва иностранцам выдавались постоянные карточки, вскоре они были заменены двухгодичными и пятигодичными, и только значительно позже была введена категория привилегированных иностранцев,

Образец нансеновского паспорта в Болгарии

получавших вид на жительство на десять лет. Если в Париже обмен карточек был относительно лёгким, хотя приходилось терять много времени в очередях, то в провинции и даже в окрестностях столицы вместо новой карточки выдавалась расписка, небольшая бумажка, по которой русский должен был жить в течение многих месяцев. Виды на жительство были разные — для трудящихся, для нетрудящихся, для коммерсантов и для ремесленников (работавших на дому). За карточки взималась плата, которая была часто, особенно для нетрудящихся, старых или неимущих, непосильной. Правда, можно было хлопотать о снижении платы и даже об освобождении от неё, но это требовало значительной затраты времени, и в этом оказалась благодельность русских представителей, которые принимали на себя хлопоты и выдавали соответствующие свидетельства.

Самым большим затруднением в получении вида на жительство была рабочая карточка, без которой не выдавался документ рабочей категории и всякая работа становилась невозможной. Ограничения права на работу были, может быть, самой страшной

страницей в жизни зарубежья. Существовали не только рабочие карточки, но и «благоприятные отзывы» Бюро Труда, без которых карточки не выдавались. Этот так называемый «Ави фаворабль» давался иностранцу при условии отсутствия спроса на труд со стороны французов в данной профессии, а карточка отмечала, в случае согласия, профессию, вне которой иностранец не мог работать. В связи с экономическим кризисом начала тридцатых годов, ограничения труда поставили многих русских в безвыходное положение. Только благодаря хлопотам «центрального офиса» и отдельных общественных организаций, как Земгор (Н. А. Недошивина) или бюро С. М. Зерновой, удавалось спасти буквально от голодной смерти русских, не получивших права на работу. В отношении рабочих на заводах вопрос был менее трагичным, и тысячи русских, занимавшихся в России интеллигентным трудом, были принуждены стать у станка на заводах Рено и Ситроена. Другие, и это считалось привилегированным трудом, сделались шофёрами такси.

С правом на труд, выдачей документов на проживание и их просрочкой из-за неимения денег на их оплату, с небольшими нарушениями правил общественного порядка и, в частности, движения по улицам, была связана другая страшная страница жизни русских трудящихся — высылка на границу государства, с последствиями которой годами боролись русские представительные организации и Франко-русское объединение. Русский, по отбытии краткого ареста после нарушения полицейских правил, часто высылался из Франции, но, так как его не принимала никакая другая страна, он возвращался с границы и переходил на нелегальное положение, которое необходимо было урегулировать.

Наконец, самой непопулярной мерой, вызывавшей законные нарекания всех трудящихся, а главное нуждающихся и стариков, было введение так называемого «Нансеновского сбора». Русские не только должны были платить за виды на жительство, но последние облагались, согласно постановлению Международной конференции в Женеве, особым сбором в золотых франках, половина которого шла на русские благотворительные нужды, а половина на нужды женевских учреждений. Для распределения половины сбора был назначен министром иностранных дел особый комитет в составе гр. В. Н. Коковцова, Н. Д. Авксентьева и Н. В. Савича. Хотя была возможность добиться снижения сборов (семь с половиной золотых франков вместо пятнадцат-

цати), нансеновский сбор был тяжёлым налогом на русских. Во Франции он был введён декретом 29 июля 1936 года.

Перед русскими во Франции встал, кроме того, в 1936 году вопрос о призыве во французскую армию. В законе о комплектовании французской армии от 31 марта 1928 года имелся параграф о переписи лиц без определённой национальности, но вопрос этот оставался открытым до инструкции 4 декабря 1935 года и «добавления к распоряжению» о наборе 1936/37 года, в которых было указано о призыве русских, не принявших подданства, в войска наравне с французами. Устанавливались три категории, в зависимости от возраста: родившиеся после 1 июня 1916 года должны были полностью отбыть воинскую повинность во Франции, родившиеся между 1904 и 1916 годом — только лагерные сборы, а родившиеся в 1903 году и раньше освобождались от воинской повинности в мирное время. Все русские и армяне должны были служить в регулярных частях, а не в иностранных отрядах. Те, кто не согласился бы на отбывание службы, должны были покинуть Францию. Таких оказались лишь единицы.

В сентябре 1939 года французские власти мобилизовали две первые категории русских, а третья должна была служить по внутренней обороне, но, ввиду окончания войны (перемирия) и немецкой оккупации, русские, родившиеся до 1904 года, так и не были призваны.

Всего было мобилизовано шесть тысяч ненатурализованных русских, из которых шестьсот человек было убито или ранено в боях против неприятеля. Очень многие русские заслужили боевые награды и отличились в сражениях.

Так как натурализованные русские имелись во всех странах Европы и были там мобилизованы, происходили трагические события, когда члены одной и той же семьи сражались с разных сторон фронта.

В отношении ограничения передвижений и высылки значительное облегчение принесла русским «Конвенция 1933 года», введённая в действие во Франции в конце 1936 года. Осуществление её потребовало многолетнего усиленного совместного труда русских представителей и иностранцев, друзей русских. В основу статута был принят проект, разработанный русскими.

В Женеве работали в этом направлении русские эксперты К. Н. Гулькевич, бар. Б. Э. Нольде и Я. Л. Рубинштейн, а также представитель Франции де Наваиль, а в Париже добивались

рассмотрения статута в палатах товарищ председателя Палаты Депутатов и председатель Франко-русского объединения Эдуарда Сулье, депутат Мариус Мутэ и сенатор Густав Готеро.

Конвенция 1933 года, которой русские смогли воспользоваться только очень короткое время, хотя и была подписана большинством стран, но не вполне оправдала возлагавшихся на неё надежд. Так, делегат Франции оговорил непреложность закона 1932 года о процентной норме иностранцев в отношении права на труд. Значительные ограничения были внесены и бельгийским представителем. Таким образом, в отношении права на труд многое осталось по-прежнему. В отдельных странах, как, например, в Англии, этот вопрос был особенно труден.

Только после Второй мировой войны, с введением правил для всех беженцев, как прежнего русского и армянского рассеяния, так и для новых, так называемых DP (дисплесед пёрсонс — перемещённых лиц), ограничения были устранены.

3. РУССКОЕ РАССЕЛЕНИЕ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СТРАНАМ

Общий обзор русского расселения по всему миру надо начать с Франции, так как в этой стране, и, в частности, в Париже, с 1920 года сосредоточились почти все центральные организации и объединения, распространявшие свою деятельность на многие страны.

РУССКИЕ ВО ФРАНЦИИ

Исчисление, хотя бы приблизительное, русских, живших во Франции между двумя мировыми войнами, до чрезвычайности затруднено. Тогда как для других стран имеются официальные данные, дающие часто точные до единиц цифры, всё, что касается Франции, изменяется в зависимости от источников, из которых берутся эти цифры. Международный Красный Крест и другие женеvские организации, и, в частности, Верховный Комиссариат по русским делам, отмечал совершенно фантастическую цифру в 400 тысяч (документ, опубликованный 23 июля 1929 года и при-

ведённый в официальной таблице, изданной в Женеве в 1931 г.). С другой стороны, французский официальный орган давал для 1931 года (когда было отмечено наибольшее количество русских) 72 тысячи, что было значительно ниже действительного числа, которое надо поместить между ста и ста пятьюдесятью тысячами.

Оставляя в стороне явно преувеличенную женеvскую цифру, дадим некоторые подтверждения средней цифре в 100–150 тысяч.

Количество русских во Франции по официальной статистике (Статистик де Франс) очень интересны и показывают, что эта страна издавна была прибежищем выходцев из России или живших здесь временно. В 1851 году (первые данные) их было 9.338, в 1856 г. — 12.164. Потом их число уменьшается и только в 1891 г. достигает 14.357. В начале XX века русских во Франции было 16.061, в 1906 г. — 25.605, а в 1911 году их число достигает 35.016.

Для 1921 года официальная статистика даёт только 31.347, для 1926 г. — 67.218, а максимальная цифра в 71.928 приходится на 1931 год. Перед Второй мировой войной количество русских снижается до 64 тысяч.

Разница между теми цифрами, которые даются официальными французскими учреждениями и подсчётами русских представительных органов, происходит оттого, что в первые цифры не включаются ни натурализованные, ни дети русских родителей, ещё не выбравшие подданства, ни очень многочисленные русские, имевшие иностранные паспорта. Например, в Константинополе русским, по распоряжению королевы Вильгельмины, были в большом количестве выданы голландские паспорта. Очень много русских не попали в категорию русских, так как были подданными лимитрофных государств. Точно определить количество русских невозможно. В 1925–30 годах их было между ста и ста двадцатью тысячами, в начале тридцатых годов около ста пятидесяти тысяч, а перед войной опять около ста тысяч. Интересно отметить, что, по официальной статистике, в 1926 году было почти в два раза больше мужчин, чем женщин (43.748 мужчин и 23.470 женщин). Впрочем, в статистическом французском официальном ежегоднике приводятся цифры, более близкие к тем, которые давались русскими организациями. 1931: не натурализованных русских — 82.908, натурализованных — 10.980. 1936: не натурализованных — 77.767, натурализованных — 13.810.

Общее число было, таким образом, по этому источнику 93.888 для 1931 года и 91.577 для 1936 года, не считая русских, имевших иностранные паспорта.

Из двух с половиной миллионов иностранцев, проживавших по Франции между двумя войнами, русские были на последнем месте. Больше всего было итальянцев (897.732), поляков (463.143), испанцев (410.183) и бельгийцев (211.484), но тогда как другие иностранные колонии состояли почти исключительно из рабочих, русская часть принадлежала и высококультурному слою населения, хотя и принуждена была заниматься ручным трудом.

Русские были рассеяны между двумя войнами по всей Франции, но главные сосредоточения были в Париже и его окрестностях, в Лионе и в Ницце. По официальной статистике 1937 года, в Париже проживало 32.915 русских (не натурализованных и не имевших иного подданства), имевших нансеновские паспорта, и 1582 советских гражданина. Во всём департаменте Сены их было в 1937 году (последняя полная статистика) 37.579, в соседнем департаменте Сен и Уаз — 4344, а в департаменте Приморских Альп (Ницца и окрестности) — 4219. О том, что эти цифры приблизительны, свидетельствует положение в Лионе: по официальным данным, там проживало 2669 русских, по сведениям городского управления — 1125, а в Русском эмигрантском лионском комитете их было зарегистрировано свыше пяти тысяч.

Количество натурализованных также не поддаётся точному вычислению, так как многие русские записаны в категории того подданства, которым они обладали в момент натурализации. Было натурализовано по русской категории с 1920 по 1941 год 18.973, кроме того, 9.034 ребёнка заявлены родителями как французы, что составляет 27.714.

РУССКИЕ В ДРУГИХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Согласно официальной статистике 1930 года, русских, проживавших в других западноевропейских странах (не славянских и не лимитрофных) было: в Германии, после отлива беженцев в 1923–25 годах из-за финансового кризиса, около ста тысяч. В Австрии — 2958, в Бельгии — 7000 (цифра преуменьшена), в Англии и её колониях — 4000, в Дании — 300, а в Данциге — 269,

в Испании — 500, в Греции — 1659, в Голландии — 300, а в Венгрии — 5045, в Италии — 2500, в Норвегии — 170, в Швеции — 1000, в Швейцарии — 2266, в Турции — 1400.

СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Относительно славянских государств надо заметить, что количество русских в них шло на убыль, тогда как в западноевропейских странах увеличивалось. Объясняется это тем, что первоначально эти страны приняли большое количество выехавших во время Одесской, Новороссийской и Крымской эвакуаций, но постепенно эта масса беженцев переехала во Францию и другие страны. В Чехословакии к этому присоединилось другое обстоятельство. Ввиду того, что в чешских высших учебных заведениях учились тысячи русских на государственных стипендиях, страна была только переходным этапом на пути русских зарубежников, которые, по окончании образования, разъезжались по всему миру.

Статистика 1929/30 года даёт следующие цифры: Болгария — 21.330, Югославия — 29.500 Чехословакия — 23.640.

ЛИМИТРОФЫ

Если количество русских, составляющих меньшинства и входивших в Русское Зарубежье, было значительным, о чём было сказано выше, то беженцев, то есть поселившихся в данных странах после революции, было немного: в Эстонии — 16.422, в Финляндии — 14.318, в Латвии — 9.908, в Литве — 5.000, в Польше — 50.000, в Румынии — 7.000.

ВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ

Другими крупными центрами, где сосредоточились русские, выехавшие после революции из России, были Дальний Восток (полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги и китайские города Пекин, Шанхай и Тяньцзинь) и Соединённые Штаты Америки. Определить количество вновь прибывших русских очень трудно, так как они вливались сразу в массу местного русского населения и входили в местную жизнь. Всё же

можно исчислить количество русских, осевших в Китае после революции, в несколько десятков тысяч, а в Америке примерно в сто тысяч.

4. ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, АССИМИЛЯЦИЯ И БОРЬБА ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК

С самого начала русскому рассеянию пришлось столкнуться с вопросом денационализации молодых поколений и со стремлением правительств тех стран, в которых русские поселились, их ассимилировать. С другой стороны, если для подрастающего поколения проблема денационализации представлялась почти неизбежной, то ассимиляция, то есть потеря своего русского облика, русских традиций и русских качеств, казалась опасной — и с ней необходимо было бороться.

Для старших поколений, как вполне уже оформившихся в России, так и для тех, которые выехали уже в сознательном возрасте, вопрос о денационализации почти не вставал. Но для тех, кто продолжал или начинал своё среднее образование вне родины, он был очень острым.

В 1945 году, по указанию французского правительства, Национальный институт демографии произвёл широкую анкету в русской среде для выяснения причин, способствовавших или препятствовавших ассимиляции русских. В числе факторов, которые, по данным анкеты, должны были способствовать ассимиляции русских во Франции, упоминаются: натурализация, смешанные браки, мобилизация молодёжи во французскую армию, вхождение русских во французские профессиональные организации и употребление молодёжью французского языка вместо русского в повседневной жизни. На практике все эти «положительные факты», которые должны были способствовать ассимиляции, не дали тех результатов, которые от них ожидали французы, кроме последнего — французского языка.

В числе отрицательных факторов, мешающих ассимиляции, анкета называет: национальное чувство русских и их убеждение в своей принадлежности к великой нации, русские общества

и объединения, приводящие к тому, что русские мало общаются с окружающей средой и живут более или менее замкнутой жизнью, организации молодёжи, как витязи, сокола, скауты и разведчики, которые охраняют молодёжь от полной денационализации, русские школы и пансионы и, наконец, принадлежность большинства русских к религиозным общинам.

В числе препятствий анкета упоминает также многочисленные трудности, которые русские встречали и встречают со стороны властей как в отношении труда, так и применения своих способностей и талантов.

Анкета настаивает на неудаче ассимиляции, тогда как эта последняя не является чем-то положительным. Достаточно вспомнить французское население Канады, которое в течение двух веков хранит свои традиции и язык, но является частью государства и входит во все его интересы.

Необходимо особенно подчеркнуть разницу между денационализацией и ассимиляцией. Первая есть вхождение в новую нацию, принятие её строя и лояльное отношение к стране, гражданами которой становятся прибывшие; вторая стремится к утере новыми гражданами своего национального облика, превращение в людей, похожих на местное население («симилис» — подобный, похожий), так как никогда пришельцы из другой страны, как бы они ни стремились быть подобными местным жителям, не будут признаны таковыми коренным населением. Русские, даже принявшие подданство и прожившие в стране десятки лет, оставались для местного населения чужими или в лучшем случае русскими, а чаще только «грязными иностранцами» (саль этранжэ).

В деле сохранения национального облика и качеств русского человека на чужбине сыграли очень большую, если не решающую, роль русская культура, которая высоко ценилась и ценится во всём мире, и русский язык, за чистоту которого боролись лучшие сыны рассеяния. Со стороны самого русского зарубежья шла неустанная и упорная борьба за сохранение русской культуры, как в русских школах, так и в организациях молодёжи.

Русский язык за рубежом подвергался в прошедшие полвека не только опасности быть заглушённым местными языками, но и внутреннему засорению, вернее, вторжению в него в каждой стране местных обыденных слов. Так образовались франко-русский, немецко-русский или американо-русский жаргоны,

но значения их не следует преувеличивать, так как они ограничивались разговорным, а не письменным языком.

Первые, кто подняли знамя борьбы за чистоту русского языка, были писатели И. А. Бунин, Н. А. Тэффи и А. И. Куприн. Потом об этом писал кн. С. М. Волконский, который уже в России до революции читал лекции об «искусстве языка». Никита Майер издавал в Париже журнал в защиту чистоты русского языка, но главная заслуга в его хранении и ограждении принадлежит русским педагогам-подвижникам, которые самоотверженно работали в русских школах, разбросанных по всему зарубежью. Поэтому обзор культурно-просветительной работы зарубежной России — надо начать с начальных школ и средних учебных заведений.

ЧАСТЬ II

КУЛЬТУРНО- ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

РУССКИЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Ещё в конце 19 века территорию Российской Империи в детском возрасте покинули уроженец Варшавы Сэмюэл Голдвин и уроженец Минска Луис Барт Майер, которые в 1924 году вошли в историю как основатели легендарной кинокомпании «Metro-Goldwyn-Mayer». Майер потом ещё стал основателем Американской академии кинематографических искусств и наук, а также премии «Оскар». Уроженец Рыбинска Джозеф Майкл Шенк (Иосиф Михайлович Шейнкер), покинувший страну также в конце 19 века, основал киностудию «20th Century Fox». А знаменитая студия «Warner Bros.» была учреждена братьями Гарри, Альбертом, Сэмом и Джеком Уорнерами, трое из которых родились в Красносельце в Царстве Польском. Конечно, этих людей можно назвать представителями русского кинематографического зарубежья только условно. Артисты, по-настоящему составившие его основу, покинули страну только после революции. Кризис русской кинематографии начался в годы Первой мировой войны, когда закрытие государственных границ отрезало страну от поставщиков плёнки и технического оборудования. Октябрьский переворот усугубил ситуацию ещё сильнее: начались реквизиции имущества, цензура, запрет на создание новых предприятий и ограничение индустрии пределами Москвы. Так, пионеры русского кино перекочевали сначала на Юг России (Крым и Одесса), затем в Константинополь, Салоники и Болгарию, а через них рассредоточились по Европе и впоследствии по всему миру. При одной только крымской эвакуации вместе с частями Добровольческой армии в Константинополь попало около пятисот русских артистов.

Начать рассказ об основе кинематографического русского зарубежья нужно прежде всего с Ивана Ильича Мозжухина — самого знаменитого и успешного актёра русского зарубежья 20-х годов. Прославился он ещё до эмиграции, исполнив роли генерала Корнилова в одном из главных боевиков Российской Империи «Оборона Севастополя» (1911), Германна в «Пиковой даме» и князя Касатского в «Отце Сергии» (1918). После рево-

люции красные арестовали и приговорили к расстрелу Мозжухина с его женой актрисой Натальей Лисенко. К счастью, один из красных командиров оказался поклонником его творчества и спас их от этой участи. Из наиболее известных фильмов эмигрантского периода Ивана Ильича можно назвать следующие: «Костёр пылающий» (1922), где он сыграл сразу несколько ролей и выступил также режиссёром и сценаристом;

Иван Ильич Мозжухин (1889—1939) и Наталья Андриановна Лисенко (1884 или 1886—1962) в фильме «Костёр Пылающий»

«Казанова» (1927), над которым работали крупный режиссёр русского зарубежья Александр Волков, писатель Марк Алданов, режиссёр и продюсер Анатолий Литвак и множество других русских эмигрантов; фильм про великого английского актёра «Кин, или Гений и беспутство» (1924) Александра Волкова; «Лев Моголов» (1924) уроженца Российской Империи Жана Эпштейна; эпичный и дорогой «Михаил Строгов» (1926) Виктора Туржанского по

Александр Александрович Волков (1885—1942)

Иван Мозжухин в фильме «Лев Моголов»

роману Жюль Верна, специально для которого Мозжухин отрастил бороду, а батальные сцены в котором были сняты в Даугавпилсе с использованием нескольких тысяч костюмов времён Александра II; и экранизация «Хаджи-Мурата» Толстого «Белый дьявол» (1930) снятая всё тем же Волковым.

*Иосиф
Николаевич
Ермолев
(1889–1962)*

Следующим нужно упомянуть Иосифа Николаевича Ермолева — одного из первых русских кинопредпринимателей, благодаря которому вышло свыше ста фильмов. Множество крупных актёров, включая Мозжухина, эмигрировало на греческом товарном судне «Пантера» именно в составе его предприятия. Во Франции Ермолев учредил акционерное общество «La Société Ermolieff-Cinéma», которое Александр Каменка и Ной Блох после его переезда в Германию преобразовали в студию «Albatros», просуществовавшую до конца 20-х годов и сыгравшую важную

роль в развитии французского кино.

Видным режиссёром русского зарубежья был Дмитрий Савельевич Буховецкий, снявший множество фильмов с Эмилем Яннингсом — лауреатом первого в истории «Оскара» за исполнение роли великого князя Сергея Александровича в фильме «Последний приказ» (1928). Среди картин Буховецкого можно назвать дорогой фильм «Пётр Великий» (1922) с тем же Яннингсом в главной роли, фильмы с секс-символом эпохи немого кино Полой Негри (Барбара Аполония Халупец), а также первую часть фильма «Любовь» (1927) с Гретой Гарбо и Рикардо Кортесом. Ещё Буховецкий снял фильм «Валенсия» (1926) с Борисом Карлоффом и русским актёром Михаилом Вавичем, которому после съёмки предложили подписать контракт в «United Artists» и «Warner Bros.».

Большой звездой был Яков Александрович Протазанов из компании Ермолева. До революции он подарил нам «Пиковую даму» и «Отца Сергия», успел снять несколько фильмов в эмиграции, но наибольший успех получил, вернувшись в СССР и сняв там «Аэлиту» (1924), а также множество других фильмов. Помимо него были и другие «возвращенцы». Самой известной была Елена Александровна Полевицкая — подруга

Кустодиева, актриса труппы Синельникова, ансамбля Юровского и театра Рейнхардта. Она вернулась в СССР лишь в 50-е годы, где благополучно продолжила играть и преподавать. Однако не всем по возвращении на родину повезло так же, как ей. Например, звезда немого кино Мария Карловна Лейко, снимавшаяся в фильмах Фридриха Мурнау, приехав в Тбилиси, чтобы забрать маленькую внучку Нору, и задержавшись на обратном пути в Москве, была объявлена «агентом иностранного империализма» и расстреляна 3 февраля 1938 года в Бутове. Похожая трагедия произошла и с другим русским эмигрантом, который играл в немецком кино — Василием Михайловичем Вронским. Правда, он не возвращался в СССР, СССР сам настиг его в Румынии, когда в 1944 году сотрудники СМЕРШа арестовали его

*Арестованная
Мария Карловна
Лейко
(1887–1938)*

в городке Либлинг, доставили в Одессу, обвинили в сотрудничестве с румынской разведкой и отправили в лагерь, где он и умер в 1952 году.

*Илеана
Леонидова
(Елена Сергеевна
Писаревская)
(1893 — после 1966)*

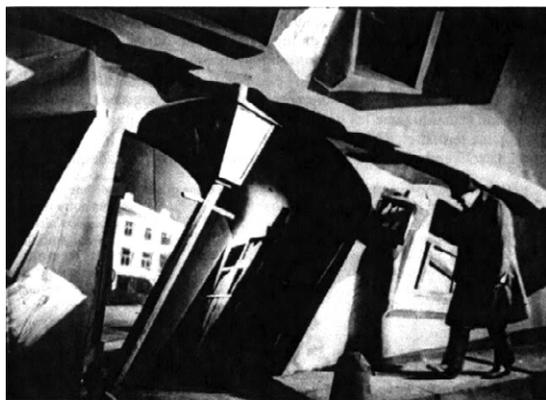
Говоря о пионерах русского кинематографического зарубежья, отдельно стоит упомянуть Диану Александровну Каренн (Леокадия Рабинович), которая начала сниматься за рубежом и стала звездой итальянского немого кино ещё до русского исхода. Другой русской актрисой, добившейся успеха в Италии до массовой эмиграции, стала Илеана Леонидова (Елена Сергеевна Писаревская).

ЕВРОПА

Одним из трёх главных городов для пионеров русского кинематографа стал Берлин. Русские проявили в нём чудеса самоорганизации, задавая моду на свою культуру. В Берлине было учреждено кинематографическое общество «Rossija-Film»,

целью которого было добиться создания иллюзии, что фильмы сняты в России. Открылся артистический клуб «Шалаш русского артиста» с участием Георгия Кроля, Раисы Лорк, Владимира Шумского, Лидии Потоцкой, Александра Александровского и других. Русские учредили кинематографическое предприятия «Russo-Film Gesellschaft». В Берлин переместила свою деятельность Московская кинематографическая фабрика Дмитрия Харитоновна. В сентябре 1920 года был организован союз русских сценических деятелей в Германии, председателем которого стал актёр Осип Рунич. Павел Антик открыл общество «Viking film» с капиталом в 10 миллионов марок, а Николаем Агнивцевым был открыт театр-кабаре «Ванька-встанька».

Немецкие режиссёры любили работать с русскими. Владимир Георгиевич Гайдаров снимался у знаменитых Роберта Вине, Фрица Ланга, Фридриха Вильгельма Мурнау и Карла Теодора Дрейера. Роберт Вине, например, стоял во главе кинематографического общества для инсценировки «классических шедевров русской литературы за рубежом». Он снял фильм «Раскольников» (1923), где все роли исполнили русские эмигранты, а главную — Григорий Михайлович Хмара.

Кадр из фильма «Раскольников»

Также Вине снял фильм «Иисус Назаретянин, Царь Иудейский» (1923), где Хмара сыграл Христа. Большим другом русских был датский режиссёр Карл Теодор Дрейер. В его филь-

ме «Заклеймённые» (1921) сыграли Владимир Гайдаров и Исаак Дуван-Торцов.

В фильме же «Михаэль» (1924) приняли участие Лев Урванцев и Александр Мурский. А самое великое произведение Дрейера «Страсти Жанны д'Арк» (1928) было сделано при участии Марка Мартова, выступившего помощником режиссёра, и Георгия Пожедаева, нарисовавшего эскизы к костюмам. В фильме Фридриха Мурнау «Горящая пашня» (1922) вместе с Гайдаровым сыграла ученица Станиславского и русская баронесса Стелла Арбенина.

Григорий Михайлович Хмара (1878–1970) в роли Христа

Постер фильма «Заклеймённые» (1921) Дрейера про Россию 1905 года

А в классике немецкого экспрессионизма «Доктор Мабузе, игрок» (1922) Фрица Ланга сыграла Лидия Потехина. Среди других русских эмигрантов, ставшими именитыми немецкими артистами можно назвать Виктора Триваса, снявшего символический и антивоенный фильм «Ничейная земля» (1931), Александру Зорину (Цвикевич), игравшую с Эмилем Яннингсом, Астой Нильсен, Лайонелом Бэрримором, Конрадом Фейдтом и бывшую знакомой с Есениным, Набоковым и Шалапиным. А также Марию Орскую (Рахиль Абрамовна Блиндерман), Ксению Десни, Фёдора Оцепа и Георгия Азагарова.

*Владимир Георгиевич Гайдаров (1893–1976) (слева)
в фильме «Горящая пашня»*

Но, пожалуй, наибольшего успеха в Германии среди русских актёров добилась Ольга Константиновна Чехова — жена Михаила Чехова. Она снялась у Рене Клера в фильме «Соломенная шляпка» (1927) производства русской компании «Albatros» и у Альфреда Хичкока в «Мэри» (1931). По итогу Чехова снялась в более чем ста фильмах. Такая плодовитость по сравнению

с другими актёрами русской эмиграции в Европе объясняется тем, что после того, как в 30-е годы звуковое кино вытеснило немое, из-за плохого знания языка пострадало очень много русских актёров. Лишь единицы смогли удержаться на плаву. Дочь Чеховой Ада и внучка Вера, кстати, тоже стали киноактрисами.

Вторым городом для русских артистов стал Париж.

Французское предприятие «Pathé» явилось оазисом русской кинематографии за границей. Поодиночке в него вливались покинувшие Россию Виктор Туржанский с женой Натальей Кованько, Николай Колин и лучшие русские операторы — Топорков, Рудаков и Бургасов. По началу артисты и режиссёры жили впроголодь. Особенно худо было простым статистам⁷. Но с января 1931 года, когда во Франции запретили брать на киносъёмки больше 25% иностранцев, стало совсем невыносимо. Картина перед выпуском просматривалась чиновником, устанавливающим число иностранных статистов. Бывали случаи, когда во время съёмок люди теряли сознание от недоедания, многих выселяли из жилья, а умершим актёрам-старикам всем миром собирали на похороны. И это при том, что до 1931 года союз деятелей русской кинематографии десять лет отстаивал свои права функционировать при союзе биржи труда. И только лишь в 1939 году в Париже была образована инициативная группа для устройства Союза русских театральных и кинематографических деятелей во Франции. В её состав вошла почти вся элита русской эмиграции Парижа: Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Борис Зайцев, Николай Евреинов, Сергей Лифарь, Матильда Кшесинская, Иван Лукаш, Александр Волков, Марк Алданов, Александр Бенуа, Константин Коровин и другие.

⁷ Массовка, фигурация — одна из самых популярных профессий русской эмиграции.

*Ольга
Константиновна
Чехова
(1897–1980)*

*Виктор (Вячеслав)
Константинович
Туржанский
(1891–1976)*

Тем не менее, несмотря на все трудности, во Франции реализовалось много русских артистов:

Николай Фёдорович Колин, работавший вместе с Мозжухиным, Волковым, Туржанским и другими пионерами эмигрантского кино; Исаак Дуван-Торцов, основавший вместе с Александром Череповым Русский общенародный театр; Владимир Стрижевский, снявший скандального «Тараса Бульбу» (1924) и «Тройку» (1930) с Ольгой Чеховой; Жорж Вахевич (Георгий Леонидович), создавший костюмы и декорации более чем к 150 фильмам разных режиссёров, в числе которых Ренуар, Бунюэль и Деланнуа; братья Андре и Леон Барсаки; Пьер Батчефф (Пётр Бачев), сыгравший главную роль в сюрреалистическом фильме Луиса Бунюэля и Сальвадора Дали «Андалузский пёс»; Николай Римский и Елизавета Пинаева.

*Пьер Батчефф
(Пётр Бачев)
(1901–1932)
в фильме
«Андалузский пёс»*

Отдельный абзац нужно посвятить авангардисту Димитрию Кирсанову (Марк Давидович Каплан), создавшему такие изящные фильмы, как: авангардный «Менильмонтан» (1926), в котором Кирсанов применил экспрессивный монтаж, близкий к стилистике Всеволода Пудовкина, а главную роль исполнила загадочная Надя Сибирская (Жермен Лёба) — сбегавшая из дома и жившая среди клошаров девушка, не являющаяся профессиональной актрисой; «Похищение» (1934) по сценарию Бенжамена Фондана и роману Шарля Рамя, с Дитой Парло в главных ролях и музыкой Артюра Онеггера; и «Колыбель» (1935) с участием оперной дивы Нины Валлен и музыкой Габриэля Форе.

Ещё одним эстетом из Российской Империи был Жан Эпштейн, основные положения эстетической концепции которого сложились под влиянием интуитивизма и сюрреализма. В его фильме «Лев Моголов» главную роль исполнил Мозжухин, а в фильме «Мопра» — балерина Сандра Милованова.

*Надя Сибирская
(Жермен Лёба)
(1900–1980)
в «Менильмонтане»*

*Николай Фёдорович Колин (1878–1966)
на съёмках фильма «Тайна Востока»*

Звездой французского кино стал Валерий Иванович Инкижинов — актёр бурятского происхождения, чья восточная внешность сделала его всемирно известным ещё в СССР после фильма Пудовкина «Потомок Чингисхана» (1928). В 1930 году он стал невозвращенцем, исполняя за рубежом преимущественно роли индусов, китайцев, корейцев и японцев. Другим известным невозвращенцем стал Алексей Грановский, снявший во Франции «Тараса Бульбу» (1936), в работе над которым принимали участие Юрий Анненков и Андрей Андреев.

*Валерий
Иванович
Инкижинов
(1895–1973)*

И, наконец, если в Германии русской эмигрантской дивой была Ольга Чехова, то во Франции ей стала внучка Александра II и дочь великого князя Павла Александровича Наталья Палей. Её дебют состоялся в фильме «Ястреб» (1933) Марселя Л'Эрбе, который встретил её в Казино де Пари.

*Наталья
Павловна
Палей
(1905–1981)*

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО И КИТЧ

Несмотря на то что раннее кино часто критиковали за примитивизм, а Владислав Ходасевич вообще не считал его искусством, уже на ранних этапах работы над фильмами русского зарубежья участвовали люди высокого искусства. Например, Эрте (Роман Тыртов), Мстислав Добужинский, Фёдор Комиссаржевский и Леонид Андреев как художники, а Илья Сургучёв и Илья Василевский как сценаристы. Именно познакомившись с эскизами Эрте к фильму «The Restless sex» (1920), Дягилев пригласил его в свою труппу.

В зарубежном кино снималось множество русских балерин: Вера Каралли, Тамара Карсавина, Лидия Кякшт, обучавшая Лени Рифеншталь Евгения Эдуардова и Ида Рубинштейн, снявшаяся в фильме «Корабль» (1921), сделанном по драме Габриеле д'Аннунцио его сыном.

Бронислава Нижинская была хореографом в голливудской комедии «Сон в летнюю ночь» (1935). Снималась за рубежом Ирина Баронова, ставшая впоследствии Вице-Президентом Королевской Академии Балета Австралии. Артист балета Игорь Юшкевич сыграл у Джина Келли в фильме «Приглашение на танец» (1956), а Фёдор Козлов снялся в нескольких фильмах Сесила Демилля.

Безуспешно попробовал себя в сценарном ремесле Александр Куприн, а вот его дочь Ксения (Киса) стала знаменитой французской актрисой.

Ида Рубинштейн в фильме «Корабль»

*Фёдор Михайлович Козлов (1882–1956)
в фильме Сесила Демилля «Мадам Сатана»*

Ну и, конечно, не забыть отметить в кино Фёдор Шаляпин. Ему предлагали участие во множестве проектов, и среди предлагавших был сам Дэвид Уорк Гриффит, но в итоге Шаляпин снялся лишь в фильме «Дон Кихот» (1932) Георга Вильгельма Пабста. Там же снялся и его сын.

Фёдор Шаляпин в фильме «Дон Кихот»

Несмотря на участие таких серьёзных артистов, новаторского и влиятельного материала было немного. Крупную долю раннего эмигрантского кино составляли в основном экранизации классических произведений и исторические киноэпопеи.

*Владимир
Фёдорович
Стрижевский
(1892—1977)*

Из зарубежных режиссёров самым большим любителем экранизировать русскую классику был Фредерик Цельник, который уже в декабре 1919 года экранизировал «Анну Каренину», главную роль в котором исполнила его жена Лия Мара (Александра Гудович). Цельник также создал множество экранизаций Толстого, Достоевского и Гоголя, вызвавшие усмешки в прессе. Владимир Стрижевский сделал в 1924 году резонансную экраниза-

цию «Тараса Бульбы», которую запретили в Румынии. В этом фильме было задействовано, по разным оценкам, от 5 до 10 тысяч участников.

Но самым большим и дорогим немым фильмом, над которым работали русские, стала историческая эпопея «Наполеон» (1927) Абея Ганса. Половина паёв его студии принадлежала русским. Роль Наполеона предлагали Мозжухину, что вызвало бурные толки среди французов, которые сочли неправильным отдавать такую роль иностранцу. В итоге роль отдали французу, но съёмочная группа была преимущественно русская: Александр Волков, Виктор Туржанский и Анатолий Литвак в качестве помощников режиссёра и Александр Бенуа в качестве художника фильма. Примечательно, что Марата в фильме сыграл Антонен Арто.

Кадры из фильма Абея Ганса «Наполеон»

Если русские ещё старались аккуратно передать дух русской классики и истории, то иностранные кинематографисты не

стеснялись «развесистой клюквы». Одним из примечательных случаев резонансной работы зарубежных режиссёров с русскими нарративами можно назвать экранизацию «Воскресения» Толстого, снятую Эдвином Кэруи в 1927 году. Этот фильм приезжал консультировать сам Илья Толстой, который из-за невероятного сходства со своим великим отцом ещё и сыграл его в начале этого фильма. «Воскресение» даже показали Керенскому, Коновалову, Джозефу Скэнку и Чарли Чаплину. Журнал «Возрождение» критиковал его за низведение произведения Толстого до истории про обольщение девушки князем и ужасы царской каторги. Владимир Немирович-Данченко тоже не одобрил сценарий этого фильма. Но больше всего фильм не понравился французскому режиссёру Марселю Л'Эрбье, который написал об этом Илье Толстому в письме, на что последний ответил, что не несёт ответственности за сценарий и сделал всё возможное для того, чтобы фильм выглядел прилично. Похожей критики удостоился частично сохранившийся фильм Эрнста Любича «Патриот» (1928) по пьесе Мережковского с Верой Ворониной в одной из ролей.

Помимо произведений Толстого, Достоевского, Тургенева, Горького и других русских писателей, одной из излюбленных тем для сценария была распутинщина, часто вызывавшая скандалы. Например, в 1921 году показ фильма «Распутин, чёрный монах» был сорван русским лётчиком Александром Кузминским, протестовавшим против искажений русской истории. Эмигранты признали его «шедевром гнусности, исполненным по заказу большевиков», а в Белграде этот фильм и вовсе запретили. В 1932 году русским эмигрантом Ричардом Болеславским был снят фильм «Распутин и императрица», за который Ирина Юсупова предъявила студии «MGM» и нескольким сотням кинематографистов иск о клевете за выставление её в недопустимом виде. В итоге общая сумма компенсаций, полученных супругами Юсуповыми в современном исчислении составила около 3 миллионов долларов.

*Джон и Лайонел Бэрриморы
в фильме «Распутин и императрица»*

ГОЛЛИВУД

Третьим и самым важным городом русского кинематографического зарубежья стал Лос-Анджелес.

На момент 1930 года в русской колонии в Голливуде было около двух тысяч человек. Из них несколько сотен работало в сфере кино. Из-за обилия русских сотрудников компания «MGM» даже завела русского повара. Большинство русских снималось в массовке. Как и везде, этот труд был низкооплачиваемый и не гарантировал нормального существования. Тем более, что русские статисты не имели собственного объединения для защиты своих интересов. Эту проблему решало правление Русского общества взаимопомощи в Лос-Анджелесе при содействии Александра Толубова и других деятелей русской эмиграции.

Но и здесь трудности не остановили русских. В Голливуде появилась русская церковь и русско-американский артистический клуб, председателем которого стал Михаил Иванович Вавич. Вокруг этих двух учреждений и объединилась русская колония.

При русской церкви усилиями Е. И. Дмитриевой существовала русская школа, дающая возможность русским детям не забыть об их языке и происхождении. Дети, учащиеся в русской школе, получали бесплатно горячие завтраки, которые оплачивал Пол Берн — один из руководителей «MGM», являвшийся другом русской колонии. К 40-му году в Лос-Анджелесе успешно функционировал Русский дом, помещением которого пользовались русские общественные организации для своих заседаний, докладов, чаепитий и собеседований. В Русском доме находилась штаб-квартира кружка Русско-американской молодёжи, устраивавшей там танцы и заседания. По пятницам Женское общество устраивало там бридж, а инженерный кружок доклады. Также там была библиотека.

По итогу своей деятельности русская эмиграция оставила много следов на аллее Голливудской славы и в Национальном кинореестре Библиотеки Конгресса. Америка выделяется, пожалуй, самым внушительным списком русских артистов:

*Льюис
Майлстоун
(Лейб Менделевич
Мильштейн)
(1895—1980)*

Льюис Майлстоун (Лейб Менделевич Мильштейн) — классик Голливуда из Кишинёва. Он первым получил сразу две премии «Оскар»: первую за лучшую комедийную режиссуру в фильме «Два арабийских рыцаря» (1927), где сыграли Михаил Вавич и Михаил Визаров, а второй за экранизацию Ремарка «На Западном фронте без перемен» (1930).

В его фильмах часто снимались и другие успешные выходцы из Российской Империи — вроде легендарного певца Эла

Джолсона (Аса Йоэлсон) из города Средник Ковенской губернии или уроженца Тифлиса Акима Михайловича Тамирова, снимавшегося у Орсона Уэллса, Билли Уайлдера, Уильяма Уайлера, Годара и других. Тамиров долгое время имел репутацию известнейшего русского актёра Голливуда. Его даже упомянул Джером Сэлинджер в рассказе «Лапа-растяпа».

*Аким
Михайлович
Тамиров
(1899—1972)*

Рубен Захарьевич Мамулян — ученик Евгения Вахтангова, режиссёр одной из первых версий «Доктора Джекилла и мистера Хайда» с Фредериком Марчем в главной роли, а также создатель «Королевы Кристины» (1933) с Гретой Гарбо, «Песни песней» (1933) с Марлен Дитрих и по-настоящему гигантского и скандального пеплума «Клеопатра» с Элизабет Тейлор. А ещё он поставил бродвейский мюзикл «Порги и Бесс» с другим уроженцем Российской Империи Джорджем Гершвиным.

*Рубен
Захарьевич
Мамулян
(1897—1987)*

*Грета Гарбо
в фильме
«Королева
Кристина»*

*Элизабет
Тейлор
в фильме
«Клеопатра»*

Борис Абелевич Кауфман — младший брат Дзиги Вертова и Михаила Кауфмана. Выучившись в Петербурге, он эмигрировал с родителями в 1917 году. По успешности ему удалось обойти своих старших братьев, оставшихся в СССР: работы во Франции с Жаном Виго, Абелем Гансом и Димитрием Кирсановым; премии «Оскар» и «Золотой глобус» за операторскую работу в великом фильме Элиа Казана «В порту» (1954), номинация на «Оскар» за фильм «Куколка» (1956), операторская работа в фильме Отто Премингера «Скажи, что ты любишь меня, Джуни Мун» (1970), операторская работа в множестве фильмов Сидни Люмета, включая знаменитых «12 разгневанных мужчин», и даже авторская авангардная работа «Фильм» (1964) по сценарию Беккета, где главную роль исполнил сам Бастер Китон.

Кадр из фильма «12 разгневанных мужчин»

Ричард
Валентинович
Болеславский
(1889—1937)

Ричард Валентинович Болеславский — актёр МХТ, игравший там ещё в 1909 году. Он основал в Нью-Йорке American Laboratory Theatre (ALT). В его фильмах снимались Джоан Кроуфорд и Грета Гарбо.

Григорий Васильевич Ратов, снявшийся в великом фильме «Всё о Еве» (1950) с Бетт Дейвис, Энн Бакстер и Мэрилин Монро.

Он же снял замечательный русофильский фильм «Песнь о России» про любовь американского дирижёра и советской пианистки. В этом фильме снялось множество русских актёров: Михаил Чехов, Зоя Карабанова, Владимир Соколов, Лев Булгаков, Константин и Тамара Шейны, Фёдор Шляпин младший и Михаил Визаров в роли Сталина. Интересно, что «Песнь о России» другая эмигрантка из Российской Империи, Айн Рэнд, назвала коммунистической пропагандой. Это мнение разделила и комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Женой Ратова была другая известная актриса — дочь офицера русской армии, братьев которой убили большевики, — Евгения Константиновна Леонтович.

Кадр из фильма «Всё о Еве».
Григорий Васильевич Ратов (1897—1960) слева

Роберт Тейлор и Сьюзан Питерс в фильме «Песнь о России»

Анатолий Литвак (Анатолий Михайлович) — режиссёр, который руководил съёмками высадки союзных войск в Нормандии и работал с Фрэнком Капрой, Софи Лорен и Энтони Перкинсом. Он же снял фильм «Анастасия» (1956) с Юлом Бриннером

(Юлием Борисовичем) и Ингрид Бергман, которая получила за эту роль «Оскар». Бриннер, кстати, очень колоритный представитель русской эмиграции в кино. Он был внуком почётного гражданина Владивостока и купца 1-й гильдии Юлия Ивановича Бриннера, другом цыганского гитариста Алёши Димитриевича и поэта Жана Кокто, знакомым Пикассо и Дали, а также учеником Михаила Чехова. Он сыграл в таких фильмах, как: «Король и я» (1956), «Десять заповедей» (1956), «Братья Карамазовы» (1958), «Тарас Бульба» (1962) и многих других. А в 1959 году он выкупил у Акиры Куросавы права на съёмку вестерна по сюжету «Семи самураев». Вестерн вышел в 1960 и назывался «Великолепная семёрка». В нём, помимо Бриннера, снялись Стив Маккуин и Чарльз Бронсон.

Юл Бриннер и Ингрид Бергман в фильме «Анастасия»

Александр Александрович Голицын. Начав деятельность в компании «MGM» с иллюстратора фильма «Королева Кристина» с Гретой Гарбо, он стал ведущим художественным руководителем «Universal Studios».

Декорации, созданные Александром Голицыным для фильма «Спартак»

Александр Александрович Голицын (1908–2005)

Голицын работал с Альфредом Хичкоком, когда тот ещё только начинал работать в США, воссоздав в его фильме «Иностраный корреспондент» (1940) декорации Амстердама. Позже он сотрудничал со Стэнли Кубриком в «Спартаке» (1960), с Маллиганом в «Убить пересмешника» (1962) и многими другими. За время работы в Голливуде он участвовал в создании 329 фильмов. Он был 14 раз номинирован на Оскар и трижды его получил: за римские декорации в «Спартаке», за здание Парижской Оперы в «Призраке оперы» и фильм «Убить пересмешника».

Анна Стэн (Анна Петровна Фесак). Несмотря на неплохую карьеру в раннем СССР и работу с Протазановым и Мейерхольдом, она с мужем Фёдором Оцепом решила не возвращаться из Германии в 1930 году. Позже в Голливуде её заметил Сэмюэл Голдвин, и в 1934 году она сыграла Катюшу Маслову в драме Рубена Мамуляна «Мы снова живы» по «Воскресению» Толстого. В 1935 году она сыграла

Анна Стэн (Анна Петровна Фесак) (1908–1993)

*Михаил
Иванович
Вавич
(1881–1930)*

с Гэри Купером в мелодраме Кинга Видора «Брачная ночь», получившей премию Венецианского кинофестиваля за режиссуру.

Михаил Иванович Вавич — артист оперетты (бас) и участник труппы Никиты Балиева, дебютировавший в комедии Дмитрия Буховецкого «Лебедь» (1925). Вавич чаще всего играл гангстеров, карточных шулеров и различных злодеев.

Большим другом Вавича был **Дмитрий Зиновьевич Тёмкин**, которого без колебаний можно назвать одним из самых успешных кинокомпозиторов Голливуда. Ученик Глазунова, друг Шаляпина, посе-

тител литературно-артистического кабаре «Бродячая собака», он сопровождал балерину Тамару Карсавину и французскому комику Максиму Линдеру во время его выступлений в Санкт-Петербурге. В США Тёмкин создал оригинальный саундтрек к более чем сотне фильмов. В их числе одни из первых вестернов в мире, включая «Дилижанс» (1939), «Красную реку» (1948), «Ровно в полдень» (1952) и «Форт Аламо» (1960), а также почти все фильмы Фрэнка Капры, с которым он сотрудничал много лет. В одном из интервью он признался, что частенько с грустью вспоминает Петербург, «Бродячую собаку», дружную артистическую семью, в которой он вырос и был воспитан, отметив также, что там никто не кидался миллионами, но была настоящая атмосфера искусства и люди, до которых голливудским далеко. Кроме Тёмкина карьеру кинокомпозиторов сделали два других эмигранта из России — Михаил Романович Бакалейников и Миша Шполянский.

*Дмитрий
Зиновьевич
Тёмкин
(1893–1979)*

Варвара Андреевна Каринская — автор сценических костюмов для кино и балета, лауреат «Оскара» за дизайн костюмов к фильму «Жанна д'Арк» (1948). Её работа оказала влияние на современный вид балетной пачки. Она работала с Сальвадором Дали, Марком Шагалом и другими художниками. В 1940–1970-х годы ею были изготовлены почти все костюмы к постановкам

ещё одного знаменитого русского эмигранта Джорджа Баланчина

Большим русским комиком и номинантом на премию «Оскар» стал **Миша Ауэр (Михаил Семёнович Унковский)** — внук русского адмирала Ивана Унковского и знаменитого русского скрипача Леопольда Ауэра. Несмотря на благородные корни, путь ему достался тернистый. Он и его мать Зоя бежали в Новороссийск, а оттуда в Константинополь, где Зоя умерла от тифа и четырнадцатилетнему Михаилу пришлось окольными путями разыскивать по миру деда. За всю свою карьеру он снялся более чем в 170 фильмах. Его приглашали сниматься Орсон Уэллс и Фрэнк Капра. Он побывал на одной съёмочной площадке с Джинджер Роджерс в фильме «Леди в ночи» (1925), с Гретой Гарбо и Фредериком Марчем в «Анне Карениной» (1935), с Марлен Дитрих и Джеймсом Стюартом в «Дестри снова в седле» (1939), с Тото в фильме «Что случилось с крошкой Тото?» (1964), Джоном Уэйном и многими другими.

*Миша Ауэр
(Михаил
Семёнович
Унковский)
(1905–1967)*

Одной из первых представительниц русской эмиграции в США была актриса, сценаристка, продюсер и монтажёр **Алла Назимова (Аделаида Яковлевна Левентон)**, которая играла на Бродвее уже в 1915 году. У неё был родственник Вэл Льютон (Владимир Иванович Левентон). Он тоже одним из первых добился успеха в Голливуде, прославившись низкобюджетными и при этом высокоприбыльными фильмами ужасов, сделанных в студии на «RKO Pictures».

Больших успехов в Голливуде добилась невозвращенка Ольга Владимировна Бакланова, успешно игравшая как на Бродвее, так и в немых фильмах. Самый знаменитый фильм с ней — «Человек, который смеётся» (1928). Ещё она сыграла циркачку Клеопатру в культовом фильме ужасов «Уродцы» (1932), который долго был запрещён в США, но впоследствии был признан национальным достоянием.

Также отметились в Голливуде: Иван Лебедев, который попал туда по приглашению Гриффита; уроженец Ростова-на-Дону Мэрион Геринг, снимавший Гэри Купера и Кэри Гранта; Джордж Э. Стоун (Гиршон Лихтенштейн), сыгравший на втором плане

*Конрад Фейдт и Ольга Бакланова
в фильме «Человек, который смеётся»*

в более чем ста голливудских фильмах, включая «В джазе только девушки»; Самуил Брискин, Мария Алексеевна Успенская, Леонид Кинский, Михаил Александрович Разумный и дочь офицера кадетского корпуса из Эстляндии Милица Корьюс, номинированная на премию «Оскар» за роль в фильме «Большой вальс» (1938).

Завершить список киноэмигрантов в США можно двумя актрисами, относящимися не столько русским эмигрантам, сколько к их детям:

Натали Вуд (Наталья Николаевна Захаренко) — актриса, сделавшая одну из самых успешных карьер среди русских эмигрантов. Она сыграла в фильме «Бунтарь без причины» (1955) с Джеймсом Дином в главной роли, за роль в котором была номинирована на «Оскар».

Мировую славу ей принесло участие в фильмах «Вестсайдская история» (1961), «Джипси» (1962) и «Большие гонки» (1965), а роли в фильмах «Великолепие в траве» (1961) и «Любовь с подходящим незнакомцем» (1963) дали ей ещё две но-

*Натали Вуд
и Джеймс Дин
в фильме
«Бунтарь
без причины»*

минации на «Оскар». Несмотря на рождение в США, она прекрасно владела русским языком, считала себя русской и была прихожанкой Спасо-Преображенского собора (РПЦЗ).

Натали Вуд и Расс Тэмблин в фильме «Вестсайдская история»

И **Лилия Кедрова (Елизавета Николаевна)** — дочь создателя знаменитого «Квартета Кедрова», ставшая известной французской актрисой и получившей «Оскара» за лучшую женскую роль второго плана в фильме «Грек Зорба» и снявшаяся в «Жильце» Романа Полански.

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

Помимо кино, русские эмигранты оставили значительный след в истории мультипликации. За всех русских в этой сфере сполна отыгрался Владислав Александрович Старевич — самый большой русский художник-мультипликатор за рубежом. Уолт Дисней сказал, что Старевич «обогнал всех аниматоров мира

на несколько десятилетий». Признание Старевич получил ещё в России. С детства он увлекался энтомологией и высушивал насекомых. Начав делать с ними учебные фильмы в краеведческом музее, впоследствии он добрался до пионера русской кинопромышленности — Александра Ханжонкова, и благодаря его содействию сделал множество замечательных кукольных мультфильмов. Самым знаменитым дошедшим до нас является «Прекрасная Люканида, или Война усачей с рогачами» (1910). А ещё до нас дошла его чудесная экранизация «Ночи перед Рождеством» Гоголя (1913) с Мозжухиным в главной роли. В эмиграции он сделал десятки мультфильмов и короткометражных фильмов: «Песнь соловья» (1923), «Любовь в белом и чёрном» (1923), «Крыса сельская и крыса городская» (1927), «Маленький парад» (1928) и другие. Но главным его достижением стал первый в мировом кино полнометражный кукольный мультфильм «Роман о лисе» (1930), принёсший ему медаль Розенфельда.

Владислав Александрович Старевич (1882—1965)

Вторым знаменитым русским художником-аниматором за рубежом стал Александр Александрович Алексеев. Начал он с декоратора-исполнителя у русских театральных режиссёров:

Никиты Балиева, Георгия Питоева, Фёдора Комиссаржевского и Сергея Дягилева. Затем он занимался книжной иллюстрацией и в конце концов запатентовал новый способ съёмки анимационных фильмов — с помощью игольчатого экрана, реализовав это изобретение в восьмиминутном анимационном фильме «Ночь на Лысой горе» на музыку Мусоргского. В США он продолжил создавать анимацию подобным методом. Например, пролог и эпилог к фильму «Процесс» Орсона Уэллса — его работа.

ОФИЦЕРЫ

Закончить рассказ о кино русской эмиграции можно на городской ноте — русском офицерстве. Оно оставило след в самых разных сферах деятельности, и кино не стало исключением. Много известных русских офицеров стало консультантами при съёмках военных картин. Самый интересный пример офицера в кинематографии явил Фёдор Лодыженский, занимавшийся в США ресторанным бизнесом (один из его ресторанов был профинансирован самим Чаплином) и подрабатывавший военным консультантом и актёром эпизодических ролей. Его судьба легла в основу фильма «Последний приказ» (1928) Джозефа фон Штернберга. Консультантами этого фильма выступили генералы Александр Иконников, Николай Коблянский и Вячеслав Савицкий. В фильме приняли участие Михаил Визаров, Николай Сусанин, Александр Волошин, полковник Николай Коновалов, а также несколько сотен русских статистов. Упомянутый генерал Иконников снимался в фильме «Жизнь бенгальского улана», получившем два «Оскара». В киносфере оказался даже бывший командующий северо-западной армии Павел Рафаилович Бермондт-Авалов. Полковник Николай Константинович Гуляев (псевдоним Коля Негин, данный ему Верой Холодной) стал известным исполнителем русских романсов, гастролировавшим по всей Северной Америке и снявшимся в восьми фильмах. Наконец, большим успехом в Голливуде пользовались конкурирующие с ковбоями казаки со своей джигитовкой. Казаков в Голливуде любили настолько сильно, что хору Сергея Жарова, снимавшемуся во многих фильмах, была даже предоставлена возможность натурализации, а одна калифорнийская организация и вовсе предложила ему земельные участки с домами.

Кадр из фильма «Последний приказ»

Интересно дело работавшего в киносфере белого генерала Николая Богомольца, которого хотели депортировать из США в 30-е, обвинив в аморальности из-за того, что он проживает с женщиной вне брака. Настоящей причиной было то, что в гражданскую войну его люди обстреляли американский линейный патруль. Левые американские круги требовали выдать его советским властям как сподвижника Колчака, что означало бы для него неминуемую смерть. Один из его сыновей от первого брака, например, был расстрелян в 1937 году. Его дело эмигрантская пресса сравнивала с «делом Дрейфуса», за него вступились все русские эмигранты и даже множество американцев, собравших крупную сумму на дело против его депортации. В итоге дело не получило дальнейшего развития, а русская эмиграция показала великолепный пример единения.

Никита Викторович Лукинский, 2019 год

Вы прочитали ознакомительный фрагмент книги Петра Ковалевского «Зарубежная Россия».

В полной весии книги более 600 страниц и 350 фотографий, изображений, рисунков и портретов. Под одной обложкой собраны оригинальное издание 1971 года, дополнительный выпуск 1973 года, серия статей написанных специально для этого издания об известных фамилиях, русском вкладе в мировое искусство, культуру и кинематограф. Также книга снабжена указателем имён.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

www.chernaya100.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Олег Кашин)	3
От редакции	6
Об авторе	7

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ (1971 год)

Предисловие.	9
----------------------	---

ЧАСТЬ I ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ ЗА ПОЛВЕКА

1. Зарубежная Россия как историческое явление и причины её образования	13
2. История русского зарубежья.	17
Международное положение русского зарубежья	18
Организация самозащиты русских	22
Главнейшие трудности на пути русских за рубежом	27
3. Русское расселение по отдельным странам.	32
Русские во Франции	32
Русские в других Западноевропейских странах	34
Славянские государства	35
Лимитрофы	35
Внеевропейские страны	35
4. Денационализация, ассимиляция и борьба за русский язык	36

ЧАСТЬ II КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1. Начальные и средние школы.	40
Турция	41
Греция	43
Славянские страны	44
Болгария	44
Югославия	45
Чехословакия	48
Польша	50
Бессарабия	51
Лимитрофы	52
Финляндия	52
Эстония	53
Латвия	55
Литва	56
Германия	56
Данциг	57
Швейцария	57
Англия	57
Бельгия.	58
Франция	59
Русская гимназия в Париже.	60
Школа в Шаваньяк и корпус-лицей в Версале.	62
Воскресно-четверговые школы.	63
Приюты и интернаты	64
2. Просветительная работа в организациях молодёжи и в лагерях	66
Национальная организация русских скаутов	67
Юношеский отдел РСХД	68
Национальная организация витязей (НОВ).	70
Сокола	72
Другие организации молодёжи	73
Дни русской культуры для юношества и детей	74

3. Русская научная организация и русские высшие учебные заведения.	77
Парижская русская академическая группа	81
Русские высшие учебные заведения	84
Парижские русские высшие учебные заведения.	84
Высшие женские богословские курсы	89
Русский народный университет в Париже	90
Коммерческий институт	90
Русских политехнический институт	91
Русский высший технический институт	91
Русский научный институт в Париже	93
Русская консерватория имени С. В. Рахманинова	93
Русская зоологическая станция в Вильфранш-на-Море.	95
Русские высшие учебные заведения в Праге.	96
Русский юридический факультет	96
Педагогический институт	98
Институт сельскохозяйственной кооперации	98
Высшее училище техников путей сообщения	99
Русский институт коммерческих знаний	99
Русский народный университет	99
Русские высшие учебные заведения в Харбине	102
Юридический факультет	102
Другие высшие учебные заведения	106
Высшие научные центры в других странах	108
4. Подготовка новых кадров научных работников	109
Центральный комитет по обеспечению высшего образования	109
Американский комитет воспитания русской молодёжи.	112
Международная помощь студенчеству.	113
Католический комитет Монсиньора Шапталя.	113
Помощь русским студентам в Чехословакии и в Югославии	113
Помощь русским студентам в других странах	114
Студенческие объединения	115
Дни русской культуры	116

5. Русские учёные в иностранных университетах и научных центрах	119
Пастеровский институт	119
Работа русских в европейских и американских обсерваториях.	124
Аэродинамический институт в Париже	127
Русские геологи за рубежом.	130
Русская наука почвоведения	134
Русские зоологи	137
Русские ботаники	140
Русские доктора и биологи	141
Русские химики	144
Русские металлурги	149
Русские физики	151
Русские математики.	153
Инженерные и технические науки	154
Юристы, экономисты и социологи	158
Два русских социолога	162
Филологи и историки литературы	165
Археологи, историки и этнографы	172
Русские мыслители за рубежом	188
Богословские науки	193
6. Православная церковь в зарубежье и значение православия в мире	201
Церковные хоры	212
Икона и иконописцы	215
Примеры святости и благочестия	217
Русское студенческое христианское движение	219
Православное дело.	222
Значение православного рассеяния для христианского мира.	222
7. Красный крест и Земгор	229
Земгор.	230
Зарубежный союз русских военных инвалидов	231
Благотворительные фонды	234

Литературный фонд	234
Кулаевский фонд	234
Толстовский фонд	236
8. Закон 1939 года. Мобилизация. Лагерь в Верне-ле-Бен.	237
Жизнь русских во время войны	239
Русские в Сопротивлении. Русские военнопленные и «Осты»	240

ЧАСТЬ III РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РУССКОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

1. Русская литература за рубежом	246
Русская зарубежная поэзия	247
Русская проза	260
2. Русское искусство. Художники, скульпторы, архитекторы.	275
Кинематограф.	291
3. Русская музыка, театр и балет	292
Русская музыка за рубежом.	292
Русский зарубежный театр	302
Русская опера за рубежом	305
Русский зарубежный балет	306
Фёдор Иванович Шаляпин	311
Русская акция в мировых шахматах	313
4. Русское зарубежье после Второй мировой войны.	316
5. Жизнь русского зарубежья. Организации, пресса, издательства, быт	322
Русские организации	323
Русская пресса, русская книга	333
Русская жизнь и быт в зарубежье	337
Культурная работа русских в Болгарии	341
Жизнь русских в Египте	345
Русские на Дальнем Востоке	349
Русские усадьбы, русские семьи и русские научные династии	360

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Биобиблиографии отдельных научных работников	365
2. Хранилища материалов по истории и деятельности Русского Зарубежья	373

ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ

Дополнительный выпуск (1973 год)

Предисловие	376
Ушедшие от нас в последнее время	379
Дополнения к данным, напечатанным в «Зарубежной России»	389
Культурные работники и деятели, не упомянутые в «Зарубежной России»	400
Друзья русского зарубежья	411
Русский красный крест (старой организации)	414
Сёстры милосердия и амбулатория в Париже	417
Общество взаимопомощи русских женщин.	418
Три просветительно-культурных начинания	420
Помощь русским морякам	420
Русский морской корпус в Бизерте	421
Общество помощи русской учащейся молодёжи.	423
Детская колония имени св. Николая	423
Как создавалось сергиевское подворье.	425
Первые годы РСХД	428
Кружок русской культуры.	429
Кружки старшего поколения	430
Ницкий кружок познания России	431
Кружок изучения России	431
Мюнхенский институт изучения СССР	433
Русские во время войны	434
Общественный хор имени Архангельского	435
Русские переводчики	437
Музеи и коллекционеры	438

Книгоиздательства и книжное дело	440
Русские астрономы	441
Общество «Икона» в Париже.	447
Просветительное дело в Финляндии	451
Русские дальневосточные синологи	453
Дополнения к главе о Дальнем Востоке	458
Русское студенчество в Болгарии	464
Послесловие.	473
Библиография и биобиблиографии.	475

НЕДОСКАЗАННОЕ АВТОРОМ (2019 ГОД)

Вводное слово.	478
Известные русские семьи, не упомянутые в книге	480
Столыпина.	480
Солоневичи	482
Родзянки	484
Прокудины-Горские	485
Северский — будитель неба	488
Русский зарубежный кинематограф	496
Первопроходцы	496
Европа	499
Высокое искусство и китч	506
Голливуд	511
Мультипликация	521
Офицеры	523
Русский след в западном глянце	525
Начало.	526
Расцвет	526
Конец великой эпохи	537

Вместо послесловия	538
Иван Савин, «Моему внуку»	539
Указатель имён.	544
Книжный клуб	608

Пётр Евграфович КОВАЛЕВСКИЙ Зарубежная Россия 1920–1970

Оформление переплёта	Андрей Михайлович Гаплевский
Набор текста	Ася Юрьевна Сопот
Корректурa	Александр Георгиевич Саньков
Технический редактор, вёрстка	Тимур Русланович Венков
Подготовка фотографий	Фёдор Александрович Мишутин
Указатель имён	Александр Георгиевич Саньков Софья Владимировна Кузнецова
Художник	Сакина Зульфиевна Зейналова
Редактор	Никита Викторович Лукинский
Главный редактор	Дмитрий Николаевич Бастратов

Выпуск подготовлен командой
Интерактивного издательства
«Чёрная Сотня»

Официальное сообщество ВКонтакте:
www.vk.com/chernaya100

Интернет-магазин издательства:
www.chernaya100.com

Формат 60×90/16. Бумага и печать офсетная.
Усл. п. л. 39. Уч.-изд. л. 27. Тираж 2000 экз.